

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

**Факультет Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и
искусств**

Образовательная программа «Филология»

Повстьева Карина Юрьевна

***ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ АПРОПРИАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ***

Выпускная квалификационная работа - БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
по направлению подготовки 45.03.01 «Филология»
образовательная программа «Филология»

Рецензент (при наличии)
Ученая степень, научное звание

И.О. Фамилия

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
К. А. Богданов

Консультант (при
наличии)
*Ученая степень, научное
звание*

И.О. Фамилия

Санкт-Петербург, 2020

Данное исследование посвящено «эзотерической» рецепции текстов русской литературы. Цель работы — вывести типологические особенности литературных произведений, представленных в дискурсе эзотерических течений, указать их роль и возможную причину появления в рамках той или иной доктрины. В качестве объектов исследования использованы два альтернативных учения: сообщество «ВсеЯСветная Грамота» и «Бажовская академия сокровенных знаний», предметом же исследования являются эзотерически осмысленные литературные тексты. В ходе работы были выявлены следующие принципы литературного произведения и его составляющих, важные для его последующей эзотерической трансформации: жанр произведения, предполагающий наличие волшебного элемента; известность автора текста; наличие в биографии автора особых элементов, представляющих богатое поле для порождения адептами доказательств его «посвященности». Эти особенности делают возможным для последователей сообщества представить волшебные литературные произведения как истинную реальность, а авторов и персонажей — как носителей тайного знания. Цель такой репрезентации заключается в конструировании авторитетного предшествования своим эсхатологическим идеям, на которых основывается деятельность обоих сообществ. В связи с тем, что сообщества по сей день продолжают свою деятельность, круг использованных ими текстов может расширяться, что представляет особый интерес для лонгитюдного культуролого-филологического исследования.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. «Пересоздание мира посредством языка». Опыт «ВсеЯСветной Грамоты».....	13
Глава 2. А. С. Пушкин в контексте «ВсеЯСветной Грамоты»...18	
2.1. Рецепция Пушкина в СССР.....	26
Глава 3. Дискредитация советских литераторов в рамках «ВсеЯСветной Грамоты».....	32
Глава 4. «У Лукоморья дуб зеленый» — пространство эзотерической фантазии во «ВсеЯСветной Грамоте».....	35
Глава 5. «Конек-Горбунок» П. П. Ершова и «По щучьему веленью» в свете «ВсеЯСветной Грамоты».....	39
Глава 6. Эзотерическая обработка текстов художественной литературы адептами «ВсеЯСветной Грамоты».....	42
Глава 7. Локальная эзотерическая герменевтика. Опыт «Бажовской академии сокровенных знаний».....	47
7.1. Паранаучный подход к сказам П. П. Бажова.....	51
7.2. П. П. Бажов — творец альтернативной истории.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	64

ВВЕДЕНИЕ

Изобретение традиции, термин, предложенный исследователем Хобсбаумом [Hobsbawn and Ranger 1983] (цит. по: [Laguette 2008, 284]), применим к широко распространенной как на Западе, так и в России, тенденции появления теорий, предлагающих альтернативное объяснение исторических явлений. В Российской альтернативной историографии ярко выражено влияние восточных религий и, в отличие от западных теорий такого рода, российские характеризуются явно выраженным национальным аспектом. Зарождение таких учений в России относится еще к началу XIX века. В это время академик А. С. Шишков доказывал первородство русского языка по отношению к другим европейским языкам. В первую очередь, он основывался на близком созвучии русских ономотопов со звуками животных — «кукушка кукует, гусь гогочет» [Шишков 2006, 115–117] (цит. по [Богданов 2014, 80]). Такой способ этимологизации оправдывается состоянием языкознания начала XIX века, когда выявление происхождения слова считалось «гадательным искусством» [Богданов 2014, 80], ограниченным лишь интуицией самого исследователя, а не строгими правилами, которые на тот момент еще не были выведены.

Позднее русский подданный Е. И. Классен стал провозвестником идей «удревления» славянской истории. Он считал, что период существования древних славян уходит «далеко за пределы летоисчисления всех прочих европейских народов» [Классен 2008, 216]. Кроме того, помимо «удревления» истории славянского народа, Классен выдвигает

теорию о том, что их письменность появилась задолго до Рождества Христова. Классен делает вывод о том, что древнеславянский язык является языком всего человечества, затем распространившимся по территории всего мира в искаженных вариантах. По мнению исследователя К. Богданова, успех теории Классена среди русского народа может объясняться «терапевтическим эффектом», который она произвела после поражения России в Крымской войне [Богданов 2014, 78].

Однако расцвет такого рода концепций альтернативной истории приходится на XX век, когда на Западе стали появляться альтернативные учения, позднее объединенные термином *New Age* (*Нью-эйдж*). Это собирательное понятие объединяет разнообразие мистических, оккультных, историософских концепций, имеющих последователей в разных странах. Эзотерический¹ способ познания объединяет все эти учения. Название этого комплекса разных альтернативных практик восходит к астрологическому понятию «эры Водолея», связанному с ожиданиями новой исторической эпохи, когда резко изменятся психические и физиологические возможности человека, будет достигнута мировая гармония [Панченко 2018]. Кроме того, ожидание перехода также обуславливает и апокалиптические настроения, появившиеся в обществе [Kermode 2000, 13, 28, 100-104] (цит. по [Панченко 2018]). Двойственность эсхатологических настроений имеет корни в

¹В этом исследовании термин *эзотеризм* и прилагательное *эзотерический* будут использоваться в широком смысле как способ мышления (определение Антуана Февра), обладающий следующими характеристиками: вера в существование незримого соотношения между видимым и невидимым измерениями реальности; понимание природы как «наполненной» божественным присутствием; преобразование человека путем приобщения к божественному знанию; секретная передача божественного знания [Menzel 2012, 21].

появившихся в обществе в эпоху *fin de siècle* ожиданиях, когда технологический прогресс породил как представления о предстоящем уничтожении мира виртуальной реальностью, летающими тарелками, так и надежду на его преобразование [Панченко 2018].

«Моральное перерождение» человека является основной направленностью движений *Нью-эйдж*. Примерами могут являться уфологические, теософские учения, группы битников и хиппи, альтернативные религиозные течения вроде вьетнамского «као дай» или китайского «фалуныгун». В этот период складываются и развиваются эзотерические учения, такие как шаманизм и неоязычество.

Второй тип эзотерических практик оказался наиболее явно адаптированным советским социокультурным и психологическим ландшафтом — появилось большое количество локальных группировок в разных регионах Советского Союза, самой масштабной из которых является движение под названием «Родноверие». По словам исследовательницы советского и постсоветского эзотеризма Марлен Ларюэль, это сообщество направлено на возрождение славянских языческих обрядов, и его последователи считают язычество единственной религией, имеющей право существовать в Советском Союзе [Laruelle 2012, 294–295]. Их деятельность имеет националистическую, расистскую, антисемитскую направленность. «Родноверы» верят в прямую связь между человеком и богом и предлагают индивидуальный поиск божественных смыслов [Laruelle 2012, 300].² Эта

²«Родноверы» также не имеют догмы, пророка, храма, сакрального текста, что также может способствовать «индивидуализации» поиска сакральных смыслов в реальности [Laruelle 2012, 299].

«персональная агентность» и индивидуализация религии, которой она способствует, служит, по мнению исследовательницы, причиной востребованности течения «Родноверие» в Советском Союзе.

Проникновение идей *Нью-эйдж* в советскую реальность можно проследить на примере статей, публиковавшихся в технических журналах в 60-е годы. Такие журналы, как «Новая жизнь», «Техника — молодежи», на всем протяжении существования Союза играли роль внешних стимулов, поддерживающих мотивацию советских рабочих и высокую производительность их труда. В 60-е годы в печати закладывается особая методика для поддержания интереса рабочих к труду: помимо чисто технических статей в 60-е годы в них появляются фантастические тексты художественной литературы. Их главная цель — воодушевить рабочих на военно-техническое состязание СССР с Западом [Кукулин 2017]. После того, как интерес к фантастической литературе в журналах укрепился, власти провозгласили концепцию «техника, парапсихология и фантастика как замена рефлексивной историзации» [Кукулин 2017]. Эта мера была направлена на то, чтобы «обозначить дискурсивное движение в историческом вакууме, в который погрузился после войны Советский Союз» [Кукулин 2017]. В этот период в журналы начинают проникать идеи *Нью-эйдж* о палеоконтакте, телекинезе, телепатии. Таким образом, рассуждения о «достижимом» переходят из области «насущного» (статей о технических достижениях) в область «интересного». В конце 1960-х годов поле идей *Нью-эйдж*, появлявшихся в технических журналах, расширилось нарративами об

инопланетянах, НЛО и таинственных явлениях природы [Кукулин 2017].

На фоне широкого освещения такого рода идей к 1970-м годам доверие людей к науке падает. Начинает возрастать влияние альтернативных медицинских практик, в частности, телекинеза и гипноза. Изменение ситуации в стране в период идеологического и экономического кризиса стало мыслиться в категории «иррационального», и желаемое стало окончательно восприниматься как возможное. К 1980-м годам активно издавалась литература об экстрасенсорике, оккультизме и астрологии, переиздавались мистические и религиозные работы [Богданов 2015].

Причин, по которым учения в духе *Нью-эйдж* получили широкое распространение в Советском Союзе, много. Одной из них является «духовная энтропия» [Belyaev 2012, 267], возникшая после объявления большевиками в 1918 году русской православной церкви идеологическим врагом. После этого церковь осталась лишь источником национальной идентичности, но не веры. Кроме того, произошел «сбой исторического механизма» [Иванова 1999] — потерялось ощущение истории из-за коренного перелома во всех сферах человеческой жизни. Общество нуждалось в том, чтобы «историзировать» пространство и время, в котором они живут. Появление в советских технических журналах статей об альтернативных западных практиках было призвано заменить «рефлексивную историзацию». Неоязыческие концепции, начавшие появляться в это время, были направлены на восполнение «дефицита истории» учениями о глубокой древности Руси, которую сейчас нужно возродить («Ремесло

древней Руси» Б. Рыбаков [Laruelle 2008, 286], «Новая хронология» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский).

Помимо возможностей человеческого тела, истории, религии, литературы и медицины, начавших по-новому восприниматься советскими людьми в рамках учений *Нью-эйдж*, в центре внимания советских эзотериков находился и русский язык. На возникновение этого интереса повлияли важные события в советской жизни, такие как реформа письменности и создание русифицированных азбук для разных народов СССР [Богданов 2008, 310]. Потребность в том, чтобы представить язык как особый «объединяющий» конструкт, заключалась в требовании советской идеологии преодолеть разного рода различия (культур, рас, языковых семей) [Богданов 2008, 311]. Кроме того, благодаря связи языка с историческими изменениями, появилась возможность строить глобальные концепции, связывающие и тот, и другой аспект. Так сделали, например, авторы «Новой хронологии» — математики А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский. В своей концепции авторы представили «классическую» модель «удревнения» славянской истории, при которой Русь является панконтинентальной империей, колонизовавшей, по их мнению, Африку и Америку. По принципу внешнего сопоставления (случайного созвучия) между согласными авторы находят соответствия между словами из разных языков и, кроме того, утверждают, что русский язык — праязык всего человечества [Тамбовцева. Новая хронология]. «Новая хронология» вписывается в традицию поиска «всеобщего языка», получившего большое распространение в XX веке в западных странах и в СССР. В советском пространстве поиски

проводились в литературной (А. Белый, В. Хлебников, А. Введенский), философской (П. Флоренский) и в академической среде (Н. Марр). Исследователь В. Феценко находит исток этой традиции в библейском «чуде Пятидесятницы», сошествии Святого духа. Случилось оно после Вавилонского смешения языков, и воплотило идею всеобщего языка для общения с Господом [Феценко 2014]. Так характеризует последствия «чуда» для человечества религиозный философ П. Флоренский: «событие воссоединения человека во взаимном понимании» [Флоренский 2000, 197] (цит. по [Феценко 2014]).

Флоренский много рассуждал о слове в целом, и его тезисы важно указать в контексте данной работы, потому что многие характеристики, которым он наделяет слово, можно найти в альтернативных лингвистических концепциях более позднего времени. В одной из его работ под названием «Магичность слова» Флоренский утверждает, что слово обладает телесностью: «Таким образом, со стороны физической, слово есть индивидуально отчлененный от прочей природы звуковой процесс, имеющий тончайшую гистологическую, воздушно-гистологическую структуру, которую, говоря принципиально, можно видеть и глазом...» [Флоренский 1982].

По мнению Флоренского, человек, который не признает телесность слова, сам не является телесным. Из этого утверждения можно сделать вывод о том, что слово является частью человека, входит в его состав. Магичность слова, заявленная в названии, проявляется, главным образом, в том, что оно обогащает сознание человека и является энергетическим сгустком. Флоренский эксплицитно заявляет,

что слово наделено «оккультной индивидуальностью»: «Оно [слово] имеет в себе момент физико-химический, соответствующий телу, момент психологический, соответствующий душе, и момент одический³ или вообще оккультный, соответствующий телу астральному» [Флоренский 1982].

Понятия «оккультный» и «астральный» в этой цитате явно указывают на явное заимствование философом положений *Нью-эйдж*. Несмотря на то, что Флоренский основывает свое учение на теософских (дух проявляет себя через тело) и оккультных началах, на лекциях курса «Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания» он убеждал всех слушающих в необходимости искоренять влияние оккультизма, теософии, антропософии и спектрального анализа для сохранения «центрального положения церкви в России» [Флоренский 2000].

Кроме того, в работах Флоренского также большое значение имеет попытка воспроизвести научный дискурс, апеллируя к химическим и физическим понятиям: «Если же морфемой, представляющей двуединство первозвук и первосмысла, объединяется в слове звук и смысл, то, надо полагать, что и в порядке магичности морфема слова соединяет в себе ультрафизическое воздействие фонемы и инфрапсихическое воздействие семемы, сама будучи действительной и так и этак или, точнее, произведя такое действие, которое стоит между просто физическим и просто психическим, т.е. относится к области в более определенном смысле слова — оккультной» [Флоренский 1982]. Одним из

³Од — скрытая, повсеместно разлитая сила или энергия, проявления которой заметны лишь чувствительным людям [Флоренский 1982].

признаков течений *Нью-эйдж* и постсекулярных религиозных культур является так называемый «сциентизм», предполагающий имитацию дискурса научной доктрины для «конструирования религиозных метафор, нарративных моделей и практик». [Панченко 2018]. Учение Флоренского о слове являет собой пример такого квази-научного нарратива.

В среде советских академиков наиболее обсуждаемой теорией «всеобщего» языка является учение Н. Марра. Этот исследователь создал «яфетический» (ручной) язык, на котором может говорить все человечество. Характерная для многих неоязыческих концепций советского времени экстраполяция общности языка на общность происхождения всех народов имеет место и в теории Марра. «Лингвист-яфетолог как бы возвращал язык его носителю, делал его общим для всего человечества» [Богданов 2008]. Такое «возвращение» человечеству праязыка, опирающегося на смесь новояза и архаических языковых элементов, является главной интенцией более радикальных рассуждений в области языка в постсоветский период. В это время были заложены основы российской криптолингвистики⁴.

Ощущение «духовной энтропии» в постперестроечный период усилилось из-за исторического слома, произошедшего с развалом Советского союза. Старая коммунистическая идеология потерпела крах, а альтернативы новообразованному государству объявлено не было. Из-за отсутствия устойчивой идеологии это было время активного исторического мифотворчества. Споры о языке пересекались с попытками

⁴*Криптолингвистика* (термин В. Н. Базылева) — философские представления о сверхъестественной сущности языковых явлений [Базылев 2012].

«историзировать» уже не советское, а постсоветское пространство. В дискуссии о том, останется ли церковнославянский язык литургии, или эти функции перейдут русскому языку, националисты заняли первую позицию. Одним из их аргументов было сохранение в этом языке памяти о языческом прошлом России, чему противопоставлялось обилие иноязычных заимствований в современном русском языке. В буклетах, распространяемых националистами, буквы церковнославянского языка описывались как знаки, отсылающие к трансцендентной реальности [Bennett 2011]. Язык на протяжении всего периода существования СССР воспринимался с националистических позиций, поэтому приведенные выше споры вписываются в рамку такой рецепции. Однако такие настроения вскоре начинают охватывать и литературное поле, и художественные тексты начинают восприниматься как исторические документы, прославляющие славянскую нацию.

Анализируя в своей статье постсоветскую рецепцию ранее запрещенных советских авторов, Иванова отмечает так называемую «конъюнктурную интерпретацию» [Иванова 1999] текстов, когда из произведений «вычитывалось» только идеологически важное для самих интерпретаторов. Одной из таких групп, чьи идеологические положения «вычитываются» из литературных текстов, является «ВсеЯСветная Грамота». Это влиятельное сообщество объединяет в своем дискурсе разнообразные области знаний, однако центральной является лингвистика — последователи теории утверждают, что истинной азбукой всего человечества является так называемая «ВсеЯСветная Грамота», написанная на «древнесловенском

языке» — праязыке всего человечества. Адепты утверждают, что славяне являются древнейшей мировой нацией, из которой произошли все европейские. Кроме того, они считают, что все, написанное в трудах профессиональных историков — совершенная ложь, и только приобщившись к «всеясветному» знанию, человек узнает истинную историю. Таким образом, лингвистическая и историческая области знаний являются наиболее важными для «всеясветников», и тексты русской литературы, которые они номинируют на роль авторитетных, анализируются с этих двух перспектив. Свои размышления последователи теории фиксируют в так называемых «бюллетенях», программных текстах сообщества. В этой работе эзотерические сообщества используются в качестве объекта исследования, а литературные произведения, которые адепты подвергают анализу, являются его предметом.

Основываясь на материале аналитических текстов, размещенных на сайте сообщества [Всеясветная Грамота] и в его группе в социальной сети «ВКонтакте» [ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница], я выявила тексты русской художественной литературы, которые оказываются содержащими важные для «всеясветников» идеи: «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина, «Конек-Горбунок» П. П. Ершова и русская народная сказка «По щучьему веленью». В этой работе я подробно проанализировала рецепцию произведений Пушкина и русских сказок, а также саму трансформацию фигуры поэта в дискурсе теории. Кроме того, в исследовании также было проведено сравнение рецептивного подхода «всеясветников» и другой эзотерической организации под названием «Бажовская академия сокровенных знаний» к

литературным произведениям. С помощью анализа в первой части работы и сравнения во второй была достигнута цель исследования, заключающаяся в выявлении общих признаков у текстов русской художественной литературы, включенных в контекст российских эзотерических концепций, и роли, которую эти характеристики и сами тексты играют в рамках эзотерических доктрин. Кроме того, в работе также были выявлены возможные причины, объясняющие использование в дискурсе теорий определенного рода художественных текстов. Было обнаружено, что оба сообщества включают в свой дискурс произведения, имеющие волшебное содержание. Эта характеристика помогает последователям представить текст как транслятор древнего тайного знания, персонажей — как его носителей, а автора — как посвященного в него. Во-вторых, автор отобранного произведения является известным. Его положительный авторитет среди аудитории помогает повысить степень надежности эзотерического концепта, а, следовательно, доверия к самому сообществу. В-третьих, в биографии автора содержится свидетельство его посвященности: лакуна, связанная с биографией писателя, или зафиксированные высказывания автора. Все приведенные выше характеристики литературного текста и трансформации, которым он подвергается, делают его «выразителем» эсхатологических положений эзотерических учений.

Глава 1. «Пересоздание мира посредством языка».

Опыт «ВсеЯСветной Грамоты»

Главным положением идеологии «ВсеЯСветной Грамоты» (далее — «ВГ») является представление о том, что в языке

выражен единый дух всего человечества. В этой связи учение «ВГ» восходит к идеям К. Г. Юнга о «коллективном бессознательном» и вписывается в традицию «русского космизма» [Тамбовцева 2019].

Алфавит, который предлагают «всеясветники» для создания такого языка, описан в главном документе сообщества — «ВсеЯСветном Вселенском Буковнике». В нем содержится 147 иконических знаков — «буков» «ВГ». Его создателем является А. Ф. Шубин-Абрамов, который, если судить по автобиографическим записям, получил техническое образование и некоторое время работал в ВИНТИ РАН и в НИИ-200 [Шубин-Абрамов]. На сайте сообщества [Всеясветная Грамота] указано, что он является академиком многочисленных несуществующих организаций, в том числе, «Сопредседателем Русской и Пушкинской Академий».

Шубин-Абрамов утверждает, что знание о «Грамоте» снизошло с небес как «ВсеЯСветное знание», «принцип восхождения от Аз до Од» [Шубин-Абрамов 1995] 7500 лет назад, когда существовал единый народ, позднее распространившийся по всей территории Земли. Позднее знание было сокрыто, и через много лет единственный «посвященный» человек, Шубин-Абрамов, решился рассказать о «Грамоте», чтобы спасти человечество от неминуемой гибели. Такое рассуждение о секретном знании в эсхатологическом контексте является общей характеристикой теорий *Нью-эйдж*. Адепты этого учения убеждены в том, что человечество обязательно постигнет гибель, если люди не будут «продолжать дело Бога-содержателя» [Шубин-Абрамов 1995], то есть не будут нести знание о «Грамоте».

Последователи «ВГ» объявляют ее теорией, противопоставленной устоявшемуся в научном сообществе способу толковать историю славянского языка и славян в целом. Они убеждены в том, что ученые утаивают от них «истинные» исторические факты, и только «всеясветники» знают, как на самом деле зародился язык и славянская нация.

Для доказательства своих суждений адепты теории не ссылаются на какие-либо древние документы, содержащие свидетельства о «ВГ». Как утверждает исследовательница С. Г. Тамбовцева, «ВГ» «существует вообще вне какого-либо претендующего на аутентичность текста, на ней написанного» [Тамбовцева 2019, 84]. Вместо него адепты теории опираются на сказки как произведения, изначально написанные на языке «Грамоты» и потому таящие сокровенное знание.

При конструировании «праязыка» Шубин-Абрамов пользуется принципами так называемой «трансцендентальной этимологии» [Повстьева 2019, 85], обозначающей такой способ интерпретации языковых знаков, при котором значение буквы отсылает к над-реальности. Такой способ наделения «буков» собственной онтологией привносит в «ВГ» элемент каббалистической традиции [Тамбовцева 2019, 87]. Кроме того, эта интерпретация исключает потенциальную возможность фальсификации — аудитория просто должна принять все сказанное адептами на веру. В этом и логика «посвящения» в «ВГ». Будучи регулируема не правилами логики, а правилами эмного⁵ знания, эта доктрина поддерживает к себе интерес:

⁵Эмный (от англ. *emic*) подход — термин американского антрополога Кеннета Ли Пайка, обозначающий «внутреннюю» оптику восприятия какого-либо «культурно-специфического» [Pike 1967, 37] явления, со стороны носителей этой культуры.

люди чувствуют потребность в «детавтологизации действительности», в нахождении скрытых смыслов в ней. Апелляция к секретному знанию «ВГ» удовлетворяет это общественное желание и восполняет «интеллектуальный дефицит».

Знаки «буков» «Грамоты» стилизованы под «кириллический устав» [Тамбовцева 2019, 73], и их форма и звучание определяют семантику языкового знака. Этот принцип семантизации назван С. Тамбовцевой «фоносемантической моделью интерпретации» [Тамбовцева 2019, 74]. Для того чтобы наглядно продемонстрировать функционирование приемов «ВГ» в области «трансцендентальной этимологизации», ниже приведен пример написания и этимологии слова «Русь» в контексте «ВГ».

На языке «ВГ» это слово пишется следующим образом:

Рисунок 1. Слово «Русь» в графическом написании «ВГ»

Значение первой буквы — «Семя Древа Мысленного», альтернативное значение — «спинной мозг». Второе понятие является частым примером параллелизма формы буквы и элемента человеческого тела, что роднит «ВГ» с восточной духовной медициной [Повстьева 2019, 84]. Вторая буква, похожая на Y-хромосому, обозначает словосочетание «Небесные Люди». Буква с — это «Знак Единения Небесных и Земных Сил». «Создание Новых Вселенных» — значение последней буквы и всего слова целиком.

Буква с, содержащаяся в этом слове, наделена, как и большинство букв в алфавите «Грамоты», трансцендентным положительным значением. Однако она имеет в алфавите «ВГ»

омонимичную «букову», противоположную по значению, но схожую по звучанию (последняя обозначает еще звук з) — «букову» s. Форма змеи и восприятие ее как «знак заката без последующего восхода» [Тамбовцева 2019, 76] определяет ее негативную семантику. Эта буква отмечает врага или вражеский атрибут и является очень продуктивным идеологическим индикатором в текстах, написанных «всеясветниками».

Последователи теории используют огромное количество значений, отсылающих к трансцендентной реальности «буков». Из всего этого корпуса была сделана выборка наиболее значимых слов и словосочетаний, которые применяют адепты в их теоретических работах. Такими понятиями являются: «Космос», «Новосотворенная Твердь», «Многомерное Восхождение», «Глубинный Жизнестрой», «Концентрат Жизненных Сил», «Пространственно-Временная Континуальная Ступень», «по-Творцовая Спираль» [Повстьева 2019, 85]. Особенностью всех этих выражений является апелляция к трансцендентности и непроницаемость значений. Восприятие слов как феноменов трансцендентного порядка сближает идеологию «ВГ» с учением Флоренского, который слово обозначает как телесную сущность, наделенную «оккультным» значением.

Выражение «по-Творцовая Спираль» используется в текстах «всеясветников» в двух контекстах: оно показывает строение как мироздания, так и «буковы». Большое количество «буков», обладая такой формой, повторяют конфигурацию Вселенной [Шубин-Абрамов 1995]. Второе употребление слова «спираль» сближает идеологию «всеясветников» и П.

Флоренского, о котором шла речь во введении. Для него минимальной смысловой единицей языка является слово, также имеющее «спиральное строение» [Флоренский 1982].

Кроме дидактических правил написания «буков» «всеясветники» также постулируют правильное графическое изображение слов. Большая часть значимых слов, являющихся своего рода индикаторами дискурса «Грамоты», имеют в своем составе несколько прописных букв. Это помогает адептам подчеркнуть равнозначность словоформ, входящих в состав сложной, как, например, в случае слова «ВсеЯСветная», где главными оказываются слова *ВсеЯ* и *Свет* (одно из значимых для «всеясветников» слов, отсылающее к небесному светилу, дарящему жизнь), то есть «Грамота для всего света».

Помимо правил, связанных с языком, посвященный должен «грамотно читать, двигаться». «Пиитика движений» [Тамбовцева 2019, 74] является важным концептом для адептов в рассказе о «буковах» — на многочисленных видеозаписях выступающие в рассказах о конкретной «букове» показывают, как ее «грамотно» писать телом [Царь Горохъ 2016]. Шубин-Абрамов также предлагает «грамотный» способ крестного знамения: пассы, производимые руками, должны проходить через органы чувств на лице и на теле [Шубин-Абрамов 1995].

В области говорения «всеясветники» устанавливают большое количество запретов на использование некоторых выражений, которые имеют губительный смысл. Например, выражение «ничего себе», по указанию Шубина-Абрамова, означает, что себе ты ничего не оставляешь, все отдаешь врагу [Шубин-Абрамов 1995]. По утверждению Тамбовцевой, под запрет также попадают некоторые морфемы, такие как *ни*,

означающая «отрицание присутствия, стирание кого-то из жизни» [Тамбовцева. ВсеЯСветная Грамота], а также приставка *бес*, происходящая из слова «бес». По мнению той же исследовательницы, ограничение числа «разрешенных» словосочетаний является показателем стремления адептов учения к «буквализации, разрушению метафоричности и идиоматичности, присущих языку» [Тамбовцева 2019, 95].

По словам той же исследовательницы, «ВГ» демонстрирует «взломанную» семиотическую систему» [Тамбовцева 2019, 76], частью которой является разрушенная сосюрская схема языкового знака⁶ и, вследствие этого, полная нетранспарентность нарратива. Адепты сообщества «ВГ» «изобретают» славянскую традицию посредством создания нового языка, включившего в себя как древние графические принципы кириллицы, так и новую «эзотерическую орнаментализацию». В определенной степени «ВГ» наследует учению Н. Марра о «яфетическом» языке, объединяющем архаические и «новоязыковые» элементы. Однако «всеясветники» в своих рассуждениях о языке углубляют его эзотерический аспект. «Удревление» посредством создания нового языка является радикальной попыткой «всеясветников» перекодировать исторический путь всех языков и народов. Именно в этом рождении «новой» традиции через конструирование праязыка проявляется обособленный характер сообщества «ВГ» по отношению к эзотерической традиции в целом.

⁶Основатель структурной лингвистики Ф. де Соссюр утверждал, что характеристиками *означаемое* (значение) и *означающее* (внешняя оболочка слова) обладает только словоформа, буква составляет лишь часть *означающего* и не может вызвать «акустический образ». [Соссюр 1999]. В представлении «всеясветников» буква обладает характеристиками как *означаемого*, так и *означающего*.

Все теоретические тексты «всеясветников» составлены из «десемантизированных» высказываний, представляющих переплетение эзотерической лексики. Разобранные ниже теоретические статьи, в которых анализируются произведения русской литературы, также характеризуются «знаковой пустотой», наполненной для адептов учения глубоким эзотерическим смыслом.

Глава 2. А. С. Пушкин в контексте «ВсеЯСветной Грамоты»

Самый важный текст художественной литературы, который подвергается эзотерическому переосмыслению в рамках теории «ВГ», — вступление к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» «У Лукоморья дуб зеленый». «Всеясветники» считают его своего рода манифестом сообщества, а автора, написавшего этот текст, — посвященным в «Грамоту» и транслирующим знание о ней через свои тексты.

В группе сообщества «ВКонтакте» читаем: «А.С. Пушкин, будучи Посвященным во ВсеЯСветную Грамоту, знал, что не только поэты, но и все Люди обязательно являются ПиИтами», «Александр Сергеевич Пушкин был посвящён во ВсеЯСветную Грамоту, которой обучался у своей Няни — Арины Родионовны... Он обладал Способностями видеть и чувствовать больше, чем другие, видеть Суть происходящего» [ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница]. Дар Пушкина как пророка человеческих катастроф также выведен последователями теории: «Пушкин, возможно, первым в России, РаЗГлядел звериное «лицо» американской дерьмократии... Пушкин, конечно же был СолиДарЕн с ПЛатОнОм, который ещё в IV

23

веке до так зарываемой новой эры (хотя ныне 7527 год идёт!) предрёк: «любая демократия кончается кровавой тиранией подонков». Понимая, что «демократия в аду, а на Небе Царство», Пушкин предвидел, что сия 'демократия' принесёт Мiру ещё не одну «Хиросиму» и «Чернобыль», «Вьетнам» и «Панаму», «Гренаду» и «Косово» [ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница].

Интересно, что в этом фрагменте проявляется совмещение двух сфер знаний, на которых «специализируются» «всеясветники»: политика и литература. Представление Пушкина как провидца катастроф согласуется с ролью самих «всеясветников», неоднократно упоминающих о близости вырождения человечества в случае, если люди не постигнут «ВсеЯСветную Грамоту».

На фоне таких высказываний, где дискурсивные особенности «ВГ» представлены в небольшом количестве, в основном, на уровне графического написания (использование прописных букв), в группе также представлены характеристики поэта, написанные на «ВсеЯСветной ОбщеКосмической азбуке»: «РезКИм ЛУчОм НАвного СвЭта Руси ПРОЯвился А.С.Пушкин на / ТвЕрди ПланЭты и, как Электрон, отошедший на предыдущую / ОрБИтАль, ЧРезВремённо ВозДаёт ВыСвОБожДЕННую Энергию / СвоЯго ТаЛАНта Землянам для РАДОстиЖЕния. / Да! А.С.Пушкин — ПЕВЕц и ЗаЩитНик — но не "невольник" — ЧЕсти / Исконно Солнечной ЧелоВЭКОвой Сути — и ОбщеВРЕМЁННый ВОиН, / на СвоЁм Ристалище побеждающий стемень сидомерья». [ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница.]

Кроме того же чрезмерного количества заглавных букв, в этом фрагменте также явно используются наделенная негативными коннотациями буква *s* и искажения слов в пользу «грамотного» их обозначения на письме: «человэковой», «свэта». Однако более явно здесь проявляется особое лексическое наполнение фраз: все словоформы вроде «орбиталь», «высвобожденная энергия», «общевременной» находятся в «активе» «глашатаев» теории и используются в языке «бюллетеней».

Важно указать, что восприятие Пушкина как воина, борющегося за распространение правды на Земле, согласуется с общим принципом «борьбы за правду» адептов теории, который выражается в протестном пафосе против устоявшихся норм и тенденций. Пушкин представляется поэтом, к которому никто не прислушивается, лишь одни «всеясветники» его по-настоящему понимают и защищают его честь: «...юный Пушкин скоро РаЗГлядел умысел, а чрез месяц — другой полностью ИзБАвилСя от последствий психологических сатак, организованных «вольными каменщиками», мечтавшими заполучить в пользование ПЕрО ПИИТа РУСИ ... для признания А.С. Пушкина бунтарём, демократом и, якобы, даже массоном. Не дадим оплевать Имя Пушкина!» [ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница].

В «бюллетене» на сайте сообщества, посвященном фрагменту из поэмы «Руслан и Людмила» «У Лукоморья дуб зеленый», упоминаются некоторые работы о Пушкине, которые, по мнению последователей учения, «очерняют» фигуру поэта: «Сатанинские зигзаги» А. Мадорского, «Донжуанский список Пушкина» и «Прогулки с Пушкиным»

Абрама Терца Автор не скрывает своего крайне негативного отношения к этим работам и утверждает, что последняя написана «козоглазым извращенцем и импотентом» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 33].

Наиболее интересным для изучения мифотворческой составляющей нарратива «ВГ» о Пушкине является апелляция к несуществующим Таганрогским дневникам поэта в «бюллетене» №78. В этих дневниках, по мнению адептов, содержатся заявления Пушкина о необходимости распространения «ВсеЯСветной Грамоты», иначе Земле грозит исчезновение: «Преступное по отношению к ЖизнеСтрою Планеты лжеповедение теряющих свою Разумность людей спривело Планету Земля на грань гибели, о чём ещё предупреждал в Таганрогских Дневниках Посвящённый во ВсеЯСветную Грамоту А.С. Пушкин. Он писал, что если с 1979 года кто-то из Учителей Великого Посвящения не возьмётся ОТКРЫТО Преподносить человечеству Планеты ВсеЯСветную Грамоту...то нашу Планету в таком случае ждала бы судьба Фаэтона (Планеты Солнечной Системы, которой тогда было справил зевс, или зёбс — зев сла, упоминавшийся в искалеченных древнегреческих мифах), которая (Планета Фаэтон) взорвалась» [Правда ИстьОрии. «О Пушкине и не только....» (Продолжение)].

Основной рычаг воздействия «всеясветников» на аудиторию — избежание всемирной катастрофы путем распространения «всеясветного» знания, — был, как утверждают «всеясветники», объявлен Пушкиным в несуществующих Таганрогских дневниках. Адепты теории исполнили этот наказ и, следовательно, они продолжают дело

не только Бога, но и Пушкина. С помощью конструирования такого квази-документального подтверждения они создают себе более надежный имидж продолжателей, так как опора на такой источник, якобы написанный авторитетом, является более основательной, чем апелляция к божественному откровению, открывшему человечеству «ВГ».

Другой пример, показывающий Пушкина как оратора «ВГ», содержится в следующем высказывании автора «бюллетеня»: «Однажды — в процессах множественных общений — А. С. Пушкин задал Нам Вопрос: «Почему Господь-Бог и Сыны Божьи Любят Всех?» [Правда ИстьОрии. «О Пушкине и не только...» (Продолжение)]. Эта цитата содержит также и указание на спиритические сеансы, которые, возможно, проводят «всеясветники». В таком случае, их практики вписываются в традицию русского спиритизма, который в начале своего становления в XIX веке был связан, в первую очередь, с вызыванием духа Пушкина. [Панченко 2005]. Также возможно, что для «всеясветников» реплика, якобы сказанная Пушкиным, является лишь риторическим приемом, показывающим «близость» поэта и адептов тайного сообщества, и, таким образом, увеличивающим доверие аудитории к сообществу в целом.

В начале «бюллетеня» №78 Пушкин, Андерсен, Пришвин и Вернадский называются «Солнцами Гениальностей». Такая характеристика Пушкина как «Солнечного Гения» не является оригинальной идеей «всеясветников». Далее в статье встречается указание на то, что таким образом Пушкина охарактеризовал писатель-историк Г. П. Климов. Этот человек известен своими радикальными псевдонаучными

конспирологическими суждениями социологической направленности. Им было предложено создать науку «дегенералогия», которая бы занималась исследованием «вырождения» сообществ из-за неправильного взгляда на гендер [Крайнова 1999]. Эта апелляция к конспирологу как источнику истинных суждений, на мой взгляд, явно определяет преимущество теории «ВГ» по отношению к теориям заговора и альтернативной истории. Конспирологический пафос раскрывается в завершающих словах статьи: «Враси внушили... во век не услышать Слово Истины» [Правда ИстьОрии. «О Пушкине и не только...» (Продолжение)].

Наиболее любопытными являются фрагменты «бюллетеня», в которых анализируются какие-либо произведения Пушкина. Так, например, одно из стихотворений цикла «Песни западных славян» «Феодор и Елена» комментируется автором «бюллетеней» как принадлежащее перу Пушкина, несмотря на то, что, на самом деле, оно является переводом стихотворения Проспера Мериме «La belle Hélène» [Шаяхметов]. Фабула произведения следующая: старик Стамати решает погубить Елену за то, что та не провела с ним ночь, и вместе с жидом отравляет ее черной жабой. Вернувшийся из странствий муж Елены Феодор, увидев Елену со взбухшим животом, решает, что она ему изменила и убивает ее. Затем он распарывает ее живот, видит черную жабу и понимает, что убил невинную жену. В конце он убивает Стамати и жида. «Всеясветники» обращают внимание на «ритуальность» убийства «лучших из гоев» и выводят из этого произведения заключение о том, что врагами (иудеями) являются те, кто пытается доказать свое превосходство

убийством невинных. Интересно в вышеприведенных цитатах использование слова «гой», которое для автора тождественно слову «герой». Он отсылает к традиционному былинному зачину «Ох ты гой еси, добрый молодец!», где это слово, по его мнению, используется именно в таком значении. Однако по свидетельству авторитетных источников, этот зачин следует переводить как «будь здоров» или «да здравствует», потому что слово «гой» имеет в основе корень древнерусского глагола «жить» [Большой словарь русских поговорок]. Это слово является примером любительской этимологизации, основанной на фонетическом созвучии, по принципу которого «всёясветники» строят свои рассуждения о происхождении слов.

Первым произведением Пушкина, указанным в статье, является «Станционный смотритель», где в фокусе анализа «всёясветников» находится должность смотрителя и название станции. Станция Выра, по мнению автора, «стоит на перекрестке путей Земных (и Небесных)». Должность смотрителя «несла ПОТАЁННУЮ Функцию». Слово «ВыРа» имеет значение «Воин Ра», а сам смотритель Вырин — «Хранитель-ЗаЩИТНИК Космо-Твердиевого ЕдиноМоЛитВЕННОГО Перекрёстка Навно-Явных Путей» [Правда ИСТЬОРИИ. «О Пушкине и не только....» (Продолжение)]. Произведение полностью кодируется «гlossарием» «ВГ», так же, как и следующее предупреждение, приписываемое Пушкину: «Даже невинное увлечение, освобождающее память потомков от ОтВётСтВЕННОСТИ РОДОВОГО ДОЛГА, может привести к невосполнимым утратам и позднему РасКаянию» [Правда ИСТЬОРИИ. «О Пушкине и не

только....» (Продолжение)]. Таким образом, анализ, призванный de facto сделать произведение более понятным для читателя, в рамках вышеприведенного эмного знания «ВГ», теряет свою разъясняющую функцию. Из-за интенсивного наполнения «бюллетеней» эзотерическими дискурсивными элементами можно вывести гипотезу о том, что для последователей теории оказывается работающим правило: чем непонятнее, невозможнее для пересказа написанное, тем выше значимость текста как источника истинных суждений.

Похожее рекодирование происходит и при анализе произведения Н. С. Лескова «Чертова бабка», которым завершается глава «Правда Истории...». Сюжет рассказа следующий: сатана пытается испортить человека всякими мерами, и советуется с чертовой бабкой. Та убеждает его в том, что Бог искоренит в человеке порчи, которые сатана на него найдет. Только последняя порча — насаждение дурных «Истин», показалась бабке неискоренимой, и бабка с сатаной злобно смеются из-за этого на весь ад. В главе полностью приведен текст этого произведения, и графические изменения в нем происходят только в случае буквы с, которая заменяется на s. Так, слово «сатана» пишется как «s.ьтон». Реплики героев (явно негативных) изменяются по этому принципу: сатана говорит: «А я теперь буду вперять Человеку, что он один познал эту самую истину самым лучшим родом, и тогда он во всех смыслах сайдется, станет НИчем поверять (в оригинальной версии рассказа — «не станет ничем поверять»)... и что ему в слоб (лоб) вступит, то и свелит всем почитать за Истину» [Правда ИстьОрии. «О Пушкине и не только....» (Продолжение)]. Этот пример показателен тем, что помимо

замены указанных букв в «грамотной» версии «всеясветников» s добавляется к слову вначале, становясь частью корня, как, например, в словах «слоб» и «свелит». В тех фрагментах текста, где негативный герой начинает проявлять свою силу, производимая им речь и само повествование о нем обретает идеологическую «орнаментализацию» с негативной окраской, оформляются эмфазы, важные для усиления инвективы. Таким образом, в этом рассказе получает развитие один из способов указания «всеясветников» на отрицательные характеристики того или иного субъекта: а именно, «переработка» структуры текста с включением в него структурного графического элемента, имеющего негативную семантику, — буквы s. Я бы назвала этот путь эзотеризации «интенсивным», в противовес «экстенсивному», при котором текст становится объектом «исследования» «всеясветников», как, например, в случае произведения «Феодор и Елена» в переводе Пушкина. На мой взгляд, тот факт, что текст Лескова был выбран как объект для эзотерического декодирования, подтверждает возможность «всеясветников» сделать доказательством правдивости их теории любой текст, в котором присутствуют негативные персонажи. Текст Лескова оказался выгодным еще и потому, что в нем присутствует мифологическая фигура черта, традиционно в славянской культуре действующая наперекор положительным героям.

Важно также отметить, что вся глава «Правда Истории. О Пушкине и не только...» наполнена синтаксическими и лексическими нюансами, за которыми скрывается тавтологичность рассуждений автора. Большое количество раз повторяются негодующие высказывания об «иудах» (иудеях,

врагах, «восставших из ада хамах»), которые разрушают нашу планету и которых необходимо уничтожить. «ВГ», как и многие другие альтернативные практики, конструируют конкретный образ врага, обозначаемый вышеприведенными понятиями. Таким образом, сообщество устанавливает четкое разделение между «своими» и «чужими». С помощью этого создается ситуация опасности, из-за которой аудитория становится испугана тем, что случится, если враг не будет истреблен. Сплочение единомышленников перед лицом «врага», на которого направлена оппозиционная деятельность сообщества, усиливает социальное доверие.

Постоянно воспроизводимые слова-инвективы являются идеологическими маркерами «ВГ», благодаря которым повышается доверие общества к эзотерическому учению. «Чем чаще повторяется маркер альтернативного учения, тем меньше люди рефлексируют над ним» [Богданов 2015], и это постоянное повторение может привести к массовому психозу среди аудитории, при котором люди автоматически, неосознанно повторяют практики альтернативных доктрин.

Широкий охват фактов (книги, авторитеты, факты биографии) в этом «бюллетене» создает иллюзию научного подхода к проблеме, при котором покрывается большое количество ее аспектов. Научообразность этого и следующих анализируемых в этой работе «бюллетеней» свидетельствует о включенности концепции «ВГ» в традицию *Нью-эйдж* (см. часть о Флоренском во введении). Постоянные восклицания вроде «Доколе же молчать мы будем!?!», «Правда побеждает», «Давайте вместе подумаем, не эта ли чертовщина вгрызана в Нашей Стране» выявляют лишь одну мысль — враги все, кроме

тех, кого сами «всеясветники» номинируют на роль сподвижников, потому что за ними — правда. Такого рода высказывания формируют «шаблонное взаимодействие» (термин Л. Якубинского), обозначающее вызывание одинаковой протестной эмоции у членов одной группы (альтернативного учения) при условии повторяемости «маркеров» их коммуникации (инвектив) [Богданов 2015].

2.1. Рецепция Пушкина в СССР

Причиной, по которой именно Пушкин становится первым в «пантеоне» писателей-классиков в рамках «ВГ», может быть сформировавшийся в Советском Союзе культ Пушкина. Незримое присутствие поэта, его участие в «культурной стройке» ощущалось и артикулировалось людьми советской эпохи [Панченко 2005]. В Михайловском организовывались экскурсии, призванные погрузить человека в «воспоминание» о воссозданной эпохе XIX века. Главным образом, это «погружение» осуществлялось благодаря начавшейся в 40-е годы реконструкции музея-заповедника, проходившей под руководством его директора С. С. Гейченко. Восстановительные работы, призванные «воссоздать» облик села, существовавший при Пушкине, выражались в создании особой «литературной пушкиниады»: Гейченко помещал некоторые объекты, описанные Пушкиным в его произведениях, в ландшафт Михайловского. Такими предметами являются, например, «скамья Онегина» и «аллея Татьяны» [Кошелев 2004]. Местоположение первой Гейченко установил на основе одной из строф из «Путешествия Онегина» «Вдали, один, среди людей». Директор утверждал также, что

«скамья Онегина» присутствует и в сцене объяснения Татьяны и Евгения в романе: «И, задыхаясь, на скамью / Упала...» [Гейченко 1971]. Здесь истинная история скамьи заменяется созданной Гейченко музейной «легендой» [Кошелев 2004], призванной привнести таинственность в облик музея-заповедника — места, где оживают литературные персонажи. Наиболее явно проявляется это стремление Гейченко в его книге «У лукоморья», где в качестве таинственного мира «Лукоморья» выступает само Михайловское. По сей день посетителя музея-заповедника встречают установленные Гейченко валуны-указатели, воспроизводящие сказочный дискурс: «Направо пойдешь — в Тригорское попадешь» [Кошелев 2004]. Кроме того, возле домика директора, находившегося на территории музея-заповедника, расположен «дуб уединенный», на который вешали цепь, показывающую, что именно сюда Пушкин поместил кота из поэмы «Руслан и Людмила». Эта локализация, как и многие другие, прочно утвердилась в массовом сознании: на сайте о Псковских достопримечательностях авторы статьи о Пушкинских Горах пишут: «Кстати, дуб, что в солнечных часах указывает на полдень и называется «уединенным», по преданию, и есть тот самый, лукоморский: мощное многовековое дерево с достоинством пережило всех хозяев поместья и продолжает удивлять своей жизнестойкостью туристов. И цепь на дубе том есть. Правда, не из золота» [Пушкинские Горы]. «Литературная» вещественность Михайловского, осуществленная Гейченко, по сей день поддерживается экскурсоводами и хранителями музея-заповедника. Благодаря этому Михайловское остается таинственным местом, хранящим

как биографические, так и литературные свидетельства жизни Пушкина.

Михайловское может считаться своего рода палимпсестом, где сосуществуют одновременно два времени: прошлое и настоящее [Sandler 2004, 79] (цит. по [Platt 2016, 53]). В усадьбе Пушкина человек мог ощутить как собственную связь с поэтом, так и свою национальную идентичность [Platt 2008, 643].

Пушкин был национальным героем СССР. Однако помимо особой роли поэта в воспроизводстве идеи русской нации, в советское время он так же воспринимался и как носитель объявленной Достоевским в речи 1880 года «всемирной отзывчивости» [Platt 2016, 36]. Присваивая писателю эту характеристику, Достоевский опирается на многообразие элементов разных культур, присутствующих в творчестве Пушкина. Это определение часто цитировалось в СМИ, упрочивая за поэтом статус «надкультурной» личности.

По мнению Достоевского, в образе Пушкина сочетается идея «всемирности» и «русскости». В этом, по его мнению, заключена «эсхатологическая» будущность поэта, которая составляет великую «тайну» для человечества [Platt 2016, 38]⁷. Пушкин показал, что для того, чтобы осознать себя по-настоящему русским, нужно стать «всечеловеком», как утверждает Достоевский. Благодаря пониманию этого люди смогут создать новую «арийскую» общность, которая сможет объединить Европу. Это утверждение содержит явное пересечение с восприятием фигуры Пушкина

⁷Исследователь Д. Платт указывает, что в учебнике для 8 класса издательства 1937 года о тайне «всемирности» Пушкина говорилось, что раскрытие ее — миссия, возложенная на советских людей, «дальних потомков» писателя [Platt 2016, 296–297].

«всеясветниками» — сам поэт провозглашает идею «ВсеЯСветной» нации со страниц «бюллетеней».

Д. Платт показывает, что советское представление о Пушкине в духе примирения указанных выше антиномий в его образе можно эксплицировать на общую характеристику советского пространства как «амбивалентной современности». На основе данных о юбилее поэта в 1937 году Платт утверждает, что два типа времени сосуществовали в сталинскую эпоху. Исследователь вводит понятие «элегическое» и «экстатическое» время, где первое обозначает создание бессмертных вещей в быстротечном мире. Во время празднования юбилея господствует именно такое восприятие времени, при котором осознание физической смерти поэта заглушается бессмертностью его славы. Такого рода «элегическая сублимация» происходит, например, в стихотворении И. Оксенова «В груди моей дыханье стеснено» [Platt 2008, 643].

«Экстатическое время», по определению Платта, стремится оживить объект или субъект так, чтобы он приобрел физические характеристики. Это восприятие характеризуется отчаянным стремлением победить время. Люди неожиданно ощущают, что стихи Пушкина начинают пульсировать и жить. Сам поэт представляется гораздо более современным советским гражданам сталинской эпохи, чем жителям XIX века [Platt 2008, 644]. Это обуславливает заявления о том, что пафос свободы в пушкинских стихах в советский период ощущается сильнее, чем в XIX веке.

Наиболее частым «экстатическим тропом» в юбилейной риторике Платт называет провозглашение пророческого дара

поэта. В статье «Пушкин и социалистический народ» в первом номере журнала «Литературный критик» 1937 года содержатся представления о том, что в пушкинских стихах находится залог советского будущего [Platt 2016, 45].

Пророческий пафос высказываний Пушкина указан и в одном из «бюллетеней» «ВГ», что могло бы быть доказательством их преемственности по отношению к советской традиции в этой связи. Однако в восприятии «всеясветниками» пророческого дара Пушкина есть компоненты, обособляющие эзотерический образ поэта-пророка. Главная роль Пушкина здесь — провозглашение идей «Грамоты», и пророчества, которые ему приписаны, следуют условиям соблюдения этой роли. Пушкин провозглашает всемирные катастрофы как последствие «отупения» людей, а в Таганрогских дневниках он якобы предупреждает человечество о грядущей катастрофе в случае, если люди не познают «Грамоту». В обоих случаях пророчества искусственно сконструированы, а не «конъюнктурно» вычитаны из текстов Пушкина — в этом главное отличие эзотерического восприятия Пушкина от советского.

Слияние элегического и экстатического времен в юбилее Пушкина выражается в функции памятников. На плакатах того времени часто изображался памятник Пушкину, окруженный толпой советских людей. Их позы содержат в себе указания на вышеуказанное слияние типов времени. С одной стороны, памятники призваны обессмертить поэта (элегическое принятие смерти), с другой — они делают его «живущим» в советской реальности (экстатический избыток жизни). На это указывает приглашающий жест одного из людей, стоящих

вокруг памятника (например, на плакате Густава Клуциса [Platt 2008, 658]). Бессмертие Пушкина становится «реальным» и «зримым», что провозглашено на конгрессе Западного союза, посвященном юбилею Пушкина [Platt 2008, 650].

Памятники Пушкину содержат также другой важный элемент, позволяющий судить о них как о важном атрибуте советской реальности: на них в разных аспектах накладывается принцип коллективности. Во-первых, они являются выразителями коллективной памяти советского народа («living memory of the collective» [Platt 2008, 644]) о поэте, во-вторых, Пушкин «приглашается» в их круг как принадлежащий советскому народу в целом. «Наиндивидуальное» целое советского народа сделано из того же «магического материала», что и Пушкин, что помогает им, как и ему, победить смерть.

На фоне всесоюзного восхваления Пушкина участники юбилейных торжеств также проводили политику дискредитации профессиональных пушкинистов. Последние были обвинены в избыточном комментировании пушкинских произведений и «историзировании» поэта, а также в «вульгарных социологических» интерпретациях. На мой взгляд, обвинение профессиональных исследователей в неправильных суждениях о поэте роднит советскую и эзотерическую постсоветскую модель размышлений о Пушкине. В качестве «вульгарных» интерпретаций можно привести пример исследований, указанных в «бюллетене», посвященном Пушкину: «Сатанинские зигзаги», «Донжуанский список Пушкина» и «Прогулки с Пушкиным», где искажается

образ поэта как святого гения и добавляются негативные черты к его образу.

Детальный анализ юбилея Пушкина 1937 года, проведенный американским исследователем, является доказательством очень активной рефлексии советского народа о роли и месте Пушкина в советской истории. Элементы советской модели размышлений о поэте содержатся и во взглядах жителей постперестроечной России, в частности, в рассуждениях о поэте адептов альтернативной доктрины «ВГ». Как и в советский период, в рамках доктрины поддерживается восприятие поэта как фигуры, в которой соединены идеи «всемирности» и «русскости», а также как литературного эталона. Кроме того, представление о Пушкине на страницах «бюллетеней» также совмещает в себе две идеи времени. «Элегическое» понимание выражается в высказываниях вроде: «Не дадим оплевать Имя Пушкина!», Пушкин — «ОбщеВРеМёнНый ВОиН», где адепты указывают «бессмертность» поэта. «Экстатическое» же время проявляется в коллективном желании «всеясветников» возродить «настоящего» Пушкина, открыть народу его истинные мысли о спасении планеты. Наиболее явно элементы этого времени выражены в спиритическом сеансе, о котором упоминают адепты (см. главу 2).

Отличие двух рецептивных моделей — советской и эзотерической — заключается в том, что эзотерический дискурс предполагает «встраивание» фигуры Пушкина в искусственную историографическую схему, образованную на основе оппозиционной идеологии сообщества. Образ Пушкина адепты теории дополнили воображаемыми чертами,

показывающими его неприятие реальности и желание кардинальных изменений, чтобы сделать его провозвестником идей «ВГ». Идеологическая «конъюнктурная» обработка, которой был подвергнут образ Пушкина в городской советской культуре, напротив, имеет ограниченную сферу действия вымысла — искажения фактов биографии или выдуманные дополнения к биографии поэта встречаются в ограниченном объеме. Воображение советских людей зачастую включалось в мифотворческий процесс лишь в тот момент, когда необходимо было «вычитать» из произведений Пушкина залог социалистического будущего-настоящего. Возможность этой интерпретации обусловлена «всевременным» характером пушкинских стихотворений: «вечные темы» его стихотворений могут прижиться в рамках любой доктрины и обрасти важными для той или иной культуры деталями.

Образ Пушкина в советский период обретал наиболее выраженные вымышленные характеристики в низовой культуре советских деревень. Поэту приписывали особые умения, например, писать ногой [Панченко 2011, 398]. Деревенские жители придумывали разные анекдоты, наиболее комичный из которых посвящен сюжету о том, как Пушкин узнал об измене Натальи Гончаровой [Панченко 2011, 401]. Некоторые выдуманные легенды о поэте основывались на представлении Пушкина как «борца за свободу» крестьян. На это указывает легенда о том, как Пушкин обманом подписал манифест об их освобождении [Панченко 2011, 397]. На мой взгляд, эзотерическое осмысление образа Пушкина имеет гораздо больше сходств с «народной пушкинианой», чем с представлениями городской интеллигенции о поэте. Оба

контекста представляют «низовой извод» рецептивной эстетики и герменевтики, при котором значимую роль для построения рассуждений играет воображение, а не объективный анализ фактов.

Глава 3. Дискредитация советских литераторов в рамках «ВсеЯСветной Грамоты»

Представление о Пушкине как о «солнце русской поэзии» непременно ведет к тому, что его произведения становятся своего рода литературным эталоном, по отношению к которому воспринимаются произведения других русских или советских писателей. Во время празднования юбилея Пушкина в 1937 году на фоне хвалебных речей во славу Пушкина Ходасевич с его манифестом футуризма, провозглашающим «ликвидаторский нигилизм», был главным объектом народной критики [Platt 2016, 56].

Однако писатели, которые сравнивались с Пушкиным, не всегда подвергались односторонней критике. Платонов в своей статье «Пушкин и Горький» конструктивно выявляет тематические, смысловые и биографические сходства и различия между двумя писателями. Наиболее сильное расхождение во взглядах Пушкина и М. Горького писатель видит в суждении последнего о том, что владение разумом присуще интеллигенции, а не рабочим. Несмотря на то, что такое «недоразумение» [Платонов 2005, 33] возмущает Платонова, он все равно видит в Горьком благородного человека, в творчестве которого, как и в пушкинских произведениях, все выявляет глубокую любовь к русскому народу [Платонов 2005, 33–34].

Совершенно иной ход мысли можно найти в рассуждениях адептов «ВГ», для которых Пушкин тоже является «литературным мериллом». В статье, посвященной сюжету о Лукоморье, Горький назван «massонским сблудком от лахуодры» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 12]. Причина такой разгромной характеристики в том, что, по мнению «всеясветников», горьковская легенда о Данко представляет собой сильно искаженную версию истинно великой баллады «О СправноСлавном Учителе и ВождеЛенном Воине-Целителе-Сеятеле Данко». Данко в версии Горького представлен «погонщиком стада» людей, которые не могут называться «Героями» («Гоями») [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 12].

Другими антиподами Пушкина являются И. Бродский, В. Высоцкий и А. Вознесенский. Отношение к их поэзии ярко прослеживается в стихотворении, написанном автором «бюллетеня» о Лукоморье: «И если вдруг среди стихов / вам попадетя идиотский — / Высоцко- иль дебильно-бродский, / Абстрактно-вознесенский стих, ... / Прочтите Пушкина, чтоб было / С Вас смыто грязное пятно» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 33].

Пояснение, которое автор приводит после стихотворения, помогает понять, что поэзия трех поэтов-антиподов Пушкина не содержит той возвышенности, которая свойственна произведениям «посвященного» в «Грамоту». «Вечные темы» большинства пушкинских стихотворений — любовь, дружба, быстротечность жизни, красота природы — предстают в его творчестве не испорченными социальным, культурным или политическим подтекстом. Благозвучие стихотворений на уровне формы согласуется с абстрактной гармонией «вечных

тем» на содержательном уровне. Писатели же, в творчестве которых обнаруживается «изнанка» советской культуры, как те, что приведены в этом стихотворении, активно противопоставляются поэту «гармонических сочетаний» — Пушкину.

Злободневные провокационные стихотворения шестидесятника Вознесенского подвергались жестокой критике в СССР: первый сборник его стихов «Мозаика» был запрещен, а за стихотворение «Я — Гойя», вскрывающее глубокую агрессию советской политики, поэт был обвинен в формализме [Андрей Вознесенский].

Как и Вознесенский, Бродский также был обвинен в формализме за его «антисоветские» стихи. Одним из наиболее ярких стихотворений Бродского, где явно прослеживается его неприкрытая критика милитаризованного вульгарного советского общества, является стихотворение «Набросок»: «Се вид Отечества, гравюра. / На лежаке — Солдат и Дура. / Старуха чешет мертвый бок./ Се вид Отечества, лубок» [Иосиф Бродский — Набросок: Стих].

Наполненные злободневным бытовым содержанием, некоторые песни Высоцкого высмеивают советскую пропаганду, например, культа личности Сталина в песне «Банька по-белому»: «Разомлею я до неприличности,/ Ковш холодный — и все позади, — / И наковка времен культа личности / Засинеет на левой груди» [Высоцкий 1968].

Определенная часть текстов советских литераторов наполнена вульгарными бытовыми элементами социальной культуры Советского Союза, действие которых направлено на то, чтобы показать обратную сторону советской

действительности, скрывающейся за вдохновляющими лозунгами о переустройстве страны для прекрасного социалистического будущего и оптимизмом плакатов, призывающих участвовать в пятилетних планах для процветания страны. Глубокая укорененность произведений в конкретном социальном контексте, вульгарность поэтического языка и образов, зачастую явная оппозиционная роль, которую берут на себя авторы, сильно расходятся с идеей мировой гармонии, присутствующей в учении «ВГ». Адептам нужны такие произведения, которые будут играть роль «лекал», на которые затем наносится идеологическое содержание. Для этого произведения должны быть лишены явного прагматического контекста, который мог бы привнести свой смысловой оттенок, разнящийся с тем, что хотят вложить в него последователи теории. Произведения Пушкина подходят на эту роль, в отличие от произведений Вознесенского, Горького, Высоцкого и Бродского.

Глава 4. «У Лукоморья дуб зеленый» — пространство эзотерической фантазии во «ВсеЯСветной Грамоте»

Вступление Пушкина к поэме «Руслан и Людмила», как уже было указано выше, имеет центральное значение для последователей теории, и ему посвящен один из их «бюллетеней». Он называется «Лукоморье», и в предисловии автор выводит значимый для рассмотрения в контексте данной работы тезис: «В сказках всех — суть быль» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 5], но понять это может лишь тот, кто не «мерсит». Сказочная реальность, по мнению адептов, — изначальная стадия бытия мира, на которой во всем существовала гармония.

Попасть в сказочный мир может только «Знающий-ДоброПорядочный». Знающий, разумеется, «ВГ». Кроме того, человек должен обладать «образным сильным представлением, правильными движениями, ориентацией в Пространствах и во Временах...[у него] должна быть сильная энергетика и неразрывная связь с Мамой-Природой» [«Лукоморье» А. С. Пушкина]. Попадание в сказочный мир — это вторая ступень инициации будущего «посвященного» после того, как человек овладел знанием самой «Грамоты». Сказки служат своего рода рекламой, которая привлекает людей к концепту «ВГ». После того, как человек поймет основы концепции (выучит ключевую символику, научится говорить и вести себя «по-всеясветному»), он сможет достигнуть еще более значительной цели — проникнуть в мир спокойствия и гармонии, в истинную реальность — в сказку. Многоуровневая инициация гарантирует интерес к концепции и является продуктивным способом привлечения сторонников.

Автор «бюллетеня» о Лукоморье подробно раскрывает значение каждого образа, встречающегося в предисловии Пушкина, в том числе и самого образа таинственной страны. Как и в случае всех слов, которыми пользуются «всеясветники» в своих работах, глоссарий Пушкина в «У Лукоморья дуб зеленый» также раскладывается по правилам «трансцендентной этимологии». Каждая значимая словоформа разбирается на составляющие так, как это показано в первой главе на примере слова «Русь». Лукоморье — слово, имеющее много вариантов значений, зависящих от того, какие морфемные комплексы разбираются. Однако каждое из них содержит указание на божественную суть волшебной страны.

Для ее характеристики автор использует частотные понятия-маркеры эзотерической теории: «БиоГенизация», «НовоСотворенные Космосы», «КолоВрачение» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 43] и т.п. Лукоморье, в представлениях «всеясветников», таинственный мир, где все является живым и где заключены «Коды Мирозданий». Это «СверхРеальная» страна, настоящее местоположение которой невозможно найти. Там Баба-Яга воспитывает «одаренных» детей.

В этом фрагменте анализа явно выражено пересечение реального и вымышленного миров в сознании адептов теории, несмотря на антиномию, заключающуюся в невозможности отыскать конкретное местоположение Лукоморья. Реальность содержит в себе элемент волшебного, по мнению «всеясветников», как и язык, и это волшебное необходимо охранять для сохранения человеческого рода. Пафос сохранения сказочного элемента в реальном мире обнаруживается также и в мероприятиях под руководством С. С. Гейченко по наполнению музея-заповедника Пушкина «Михайловское» объектами из литературных произведений поэта, в том числе, из вступления к поэме «Руслан и Людмила». Благодаря «литературному овеществлению» музея его пространство становится местом пересечения реального и вымышленного миров, как и в представлениях «всеясветников».

Воспитание Бабы-Яги заключается в наблюдении за живыми существами, населяющими Лукоморье, и в имитации их поведения детьми: «Ходят детки по воде аки по суку, используя энергонатяжение поверхности вод. Под водой бегают... Рыбками РаДужными плавают» [«Лукоморье» А. С.

Пушкина, 18]. Частью воспитания является также превращение в животных, обучение «пиитике движений». В одном месте «бюллетеня» автор даже расписывает «грамотные» этапы воспитания ребенка в разные годы жизни, своего рода «лукоморную» программу воспитания для родителей. И действительно, в конце «бюллетеня» Лукоморье названо «ПроГРамМой Семьи» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 29]. Такой дидактический посыл содержится в большом количестве других «бюллетеней», и это позволяет заключить, что для «всеясветников» важно, чтобы от посвященных родителей знание «грамотно» передавалось их детям.

Избранные дети в Лукоморье обучаются премудростям «ВсеЯСветной Грамоты» под руководством наставницы «Грамоты» — Бабы-Яги. Она в тексте называется «Волшебницей-Чародеюшкой», которая «обучает знать Все обо Всем». Связан этот персонаж с «Высшим Банком Информации». Волшебная избушка (изначально «избуха» — «из Божественного Уха-Концентрата ЖизнеНачал» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 20]) Бабы-Яги показывается не всем, а так как она без окон и без дверей, нужно «сквозь стены проходить, и весьма грамотно». Очень подробно расписывается обстановка избушки, и все предметы, которые в ней находятся, «принадлежат миру ВсеЯСветия». В том числе, Баба-Яга является обладательницей книг, написанных руническим письмом. Оно, по словам автора, содержит в себе сжатое содержание «буков» «Вселенского алфавита». Очень подробное описание устройства жилища Бабы-Яги и составление программы воспитания «по-лукоморному» показывает

продуманность структуры мира Лукоморья в противовес его неясной локализации.

Таким образом, «всеясветники» раскрывают образ Бабы-Яги как носительницы «родового знания» о «ВГ», помогающей детям вернуться к истокам существования мира. Такой способ восприятия Бабы-Яги определяет и особую интерпретацию некоторых сказок, упомянутых в «бюллетене»: так, в сказке «Гуси-лебеди», где лебеди крадут детей и уносят их в жилище Бабы-Яги, дети, на самом деле, попадают на родину, в мир «ВсеЯСветия». Сказки, в которых Баба-Яга предстает злой, автор называет «лжесказками» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 14].

Образы кота, Кощея, дуба и цепи также наделены особым «всеясветным» смыслом. Так, дуб является порталом в «Лукоморную зону», а Кощея правильно называть «КОсТей» («К Остову Теющий»). В образе Кощея очень явно прослеживается тяга «всеясветников» к оппозиции устоявшемуся мнению: «Слыдни уже потом назвали Костея Кощеем», его атрибут — «не змий, а Дэнексавер (динозавр)» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 21].

Добавление идеологически значимых значений образам героев «Лукоморья» является первой ступенью эзотерической «обработки» произведения. Далее автор «бюллетеня» предлагает свой более грамотный вариант написания вступления, признавая, что изначально оно было написано на языке «ВГ». После каждой цитаты из поэмы следует объяснение автора, где он приводит «грамотную» (идеологически окрашенную) этимологию использованных слов, а также поясняет смысл. Наиболее интересным является

следующий фрагмент: «Там королевич мимоходом/ Пленяет грозного царя» (на языке «ВГ»: «Тамъ Королевичъ мимоходом/ ПленяЭт Грозного ЦАрЯ...» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 22]). Здесь «всеясветники» предлагают совершенно не вразумительную интерпретацию. Она основана на глаголе «пленять», которое вовсе не является свидетельством того, что королевич воюет с царем и берет его в плен. Наоборот, между ними, как утверждает автор, «пленительная дружба». «Всеясветники» заменяют правильное окончание *ет* на *Эт*, что означает «поведение». Исходя из этого, авторы выводят следующий смысл отрывка: «Королевич и Царь размышляют о Жизни...сообща создают Правила Людского Поведения» [«Лукоморье» А. С. Пушкина, 22]. Присвоение этому фрагменту логически не приемлемого объяснения основывается, скорее всего, на попытке уйти от семантики борьбы, навязываемой текстом. Гармония в мире — это важнейший принцип, которому должны подчиняться все объекты в мире «Лукоморья», а потому «всеясветникам» необходимо полностью искоренить изначальный смысл некоторых фраз и наслоить идеологически приемлемое значение.

Глава 5. «Конек-Горбунок» П. П. Ершова и «По щучьему веленью» в свете «ВсеЯСветной Грамоты»

Анализ «всеясветниками» других двух сказок имеет те же приемы, что и при разборе произведения Пушкина. Автор так же построчно приводит цитаты из сказок, а затем — «грамотное» написание и комментарий, объясняющий, почему именно так нужно понимать определенную фразу из текста.

В начале «бюллетеня», посвященного сказке Ершова, автор указывает мысль, важную для выявления тождества подхода к литературным произведениям и к языку в контексте «ВГ»: он говорит, что сказки — это «вместилище Национального мышления, выражение ВсеВременного архетипа...» [Опыт прочтения сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок» в свете «В. Г.», 1]. «Национальное мышление» — это всемирное сознание, родившееся на славянской почве, на что указывает вторая часть выражения: «ВсеВременной архетип» — то исконное состояние мысли, которое было в эпоху появления «ВГ» на Земле и остается актуальным во все времена. О том же говорит и само название «Грамоты» «ВсеЯСветная» — то есть пригодная для всего человечества. Кроме того, неоднократно в своих «бюллетенях» адепты теории указывают на общность происхождения всех наций.

«Конек-Горбунок» в анализе «всеясветников» назван «поистине конской Сказкой» [Опыт прочтения сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок» в свете «В. Г.», 1], а лошадь — существом, близким к «Высшим Силам». Белая кобылица, обнаруженная Иванушкой в поле, — символ, имеющий очень много значений в славянской, арийской и индийской мифологиях. Центральным образом в сказке является Конек-Горбунок, в непропорциональности которого заключается его волшебная сила: его ухо — «мощнейший концентрат Жизненных Начал», горб помогает коньку бороться с «всеобъемлющими Знаниями Прошлого... для Восхода в НовоКосмы» [Опыт прочтения сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок» в свете «В. Г.», 2].

Иванушка в сказке Ершова и Емеля в русской народной сказке «По щучьему веленью» названы «дураками», наименование, в русских сказках определяющее главного героя. В анализе второй сказки дана полная этимология слова, являющегося его более «грамотным» аналогом — «дурачок»: «двое чрез Ум Ноевых, третий — Домом (-Д) Знаний (-У) Солнца Речи — Реченьки (-Ра) чрез Защищенный Небесной Столпностью Звездный Приход (-Ч) для ЦелоМудренности (-Ок)» [ВсеЯСветная Грамота. По Щучьему Велению, по Моему Хотению].

Своей характеристикой «всеясветники» дискредитируют устоявшееся словарное толкование слова «дурак» — «малоумный» человек [Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля]. Напротив, для них это человек, наделенный знанием о «Грамоте» и находящийся под защитой божественного, «ангел света». Такая попытка возвеличить статус человека с недостатком интеллекта, роднит эти рассуждения с особой семантизацией слова «дилетант». «Всеясветники» сами себя так называют, указывая, что «дилетант» — это «дважды блаженный человек» [Шубин-Абрамов 1995], то есть в два раза более счастливый. Такие радикальные семантические девиации показывают противопоставленность теории устоявшемуся научному сообществу, а также делают теорию легко фальсифицируемой из-за попытки «подорвать» априорное знание.

В анализе второй сказки Емеля в «грамотной» версии назван «Омеля» для сохранения «правильного» слогового состава. Этот вариант имени означает «ДомоМноженьем Нашей ЖизнеСтроевости чрез Людское пользуется Ходьбу к Яге

на Печке, знать сатану не хочет» [ВсеЯСветная Грамота. По Щучьему Велению, по Моему Хотению]. Тот факт, что Емеля является учеником Бабы-Яги, наделяет героя сказки функцией носителя тайного знания, которая в анализе раскрывается. Фрагмент разговора Емели со щукой уникален среди всех трех сказок в отношении того, что здесь полностью разрушается исходная канва сказки, и разговор идет между двумя сообщниками, намеревающимися донести правду до людей:

«Щука: Если только лишь для того, чтобы поизгнать чванство и тупость из привластных структур.

Омеля: От Природы мне пришло, что надобно бы подтолкнуть Людей к Естеству чрез показ что и техническим можно Править Биологически.

Щука: Мы — СверхуЯвленные, можем Советовать, помогать при Грамотном Обращении к Нам. Так как и Вы — здешние СправноСлавные относитесь к Именуемым-Называемым-Спорам, то по причине малости технопредмета в соотношении со Словом, можно заставить даже техноприспособления смещаться, либо что-то оными делать» [ВсеЯСветная Грамота. По Щучьему Велению, по Моему Хотению].

Щука и Емеля хотят показать людям, что им надо отказаться от технических приспособлений (совершающих «технический вгрыс» [ВсеЯСветная Грамота. По Щучьему Велению, по Моему Хотению]) и вместо этого быть ближе к природе. Все дальнейшие действия после разговора с щукой Емеля совершает для того, чтобы показать народу, как надо жить в гармонии с природой. Телега едет сама по себе — лошадь избавляется от обязанности таскать на себе тяжести.

По этой же причине в качестве средства передвижения Емеля выбрал печь — потому что она двигается благодаря тому, что она толкается «(-водой) чрез трубы как ракета». С ее помощью он показывает царю «ВРЕДОНОШНОСТЬ ПЕРЕСТРОЕК, ПЕРЕШИВОК, ПЕРЕКРОЕК, ПЕРЕДЕЛОК, которые "тихой сапой" вгрысали враси» [ВсеЯСветная Грамота. По Щучьему Велению, по Моему Хотению]. Принцип гармоничного сосуществования природы и человека, соблюдение которого является центральным для того, чтобы полностью познать силу «ВГ» (многие «всеясветники» живут в деревнях [[ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница]), конструируется здесь адептами как идейный остов, вокруг которого строится нарратив в сказке.

Финал произведения также предельно идеологически ориентирован: народ понял значение демонстративного поведения Емели и стал следовать его примеру: он становится ближе к природе и искореняет «технические вгрысы». В «Грамотной» версии сказки выпущен фрагмент с «засмолением» в бочку Емели и Марьи-царевны. На мой взгляд, этот эпизод по определению идеологически неверен, потому что и царь, и дурачок в контексте «ВГ» — персонажи, «знающие», как надо «грамотно» жить, а, следовательно, между ними не может быть распри.

Из всех трех сказка «По щучьему велению» наиболее сильно идеологически обработана: кроме тождества ее смысла и главной идеи «ВГ», существует много идеологических элементов, показывающих глубокую степень ее «эзотеризации», например, в эпизоде разговора Емели с посланником царя главный герой говорит: «Во первых (sic!),

меня зовут Дурачок Омеля, а не Дурак» [ВсеЯСветная Грамота. По Щучьему Велению, по Моему Хотению], таким образом указывая «грамотное» самообозначение. Другие дополнения касаются уточнения образа Емели как благоразумного человека, что вновь показывает глубокое расхождение словарной и эзотерической семантик слова «дурак»: в разговоре с вельможей, приносящим Емеле дары от царя, главный герой произносит следующие слова: «Не надобно мне даров, так как я сам могу достать то, что мне потребуется. Посмотри, вот я тяну — тяну руку и у вас в доме беру яблоко для угощения вас же» [ВсеЯСветная Грамота. По Щучьему Велению, по Моему Хотению]. Для «всеясветников» добавление этих слов дает возможность показать «истинную» натуру Емели-продолжателя «дела Бога-Содержателя», посвященного.

Глава 6. Эзотерическая обработка текстов художественной литературы адептами «ВсеЯСветной Грамоты»

Анализ трех сказок адептами теории содержит важный элемент, общий для всех дискурсивных практик и для альтернативных теорий в целом — все они содержат устойчивые рассуждения о врагах. Читателям постоянно напоминают, в какой опасности они находятся, пока не примкнут к кругу посвященных. Этот дискурсивный ход способствует повышению социального доверия.

Можно сделать несколько выводов об особенностях подхода последователей «ВГ» к текстам русской литературы и о характеристиках, которыми должен обладать текст для включения в их эзотерический дискурс. Все три сказки и на

54

формальном, и на содержательном уровне манифестирует секретное знание «ВГ». Как было указано в обзоре теории, «всеясветники» не предъявляют никаких текстов, на основе которых можно было бы сделать вывод о существовании «ВГ» в древности, о чем они сами заявляют. Вместо древности текста аспектом, определяющим значимость концепции, для них является его известность. Таким образом, диахроническая характеристика заменяется синхронной, при которой фокус внимания исследователя переносится на рецепцию литературных произведений в советское и постсоветское время (устные упоминания о «Грамоте» относятся к концу 1980-х годов, а письменные — к началу 1990-х [Тамбовцева 2019, 72]). Анализ рецепции Пушкина в советский период показывает, что фигура Пушкина была надежно апроприрована идеологией советского государства и имела устойчивые положительные коннотации. В определенной степени, культ Пушкина-посвященного в среде «всеясветников» обусловлен культом Пушкина-современника в советской культуре. Особенно явно преемственность советских способов культивации поэта по отношению к «ВГ» проявляется в «литературной» топонимике музея-заповедника Пушкина «Михайловское» в «эпоху Гейченко» [Кошелев 2004].

«Избранные» литературные произведения графически оформляются правилами «ВГ», благодаря чему сказочный нарратив вписывается в общую дискурсивную практику концепции. В числе трансформаций, которым подвергается текст, можно выделить наделение персонажей функцией носителей тайного знания. Это явно следует из эзотерического анализа «У Лукоморья дуб зеленый» Пушкина. Автор также

представляется «всеясветникам» пророком «Грамоты» и борцом за правду, то есть адепты приписывают Пушкину те же функции, которые за собой закрепляют сами.

Общие характеристики произведений, выбранных для эзотерического осмысления, заключаются в следующем: все они — сказки, по определению Ц. Тодорова, «чудесное в чистом виде» [Тодоров 1999]. В них представлен волшебный мир, а персонажи действуют по таким же волшебным правилам, не подчиняющимся рациональной логике. Следовательно, верификация суждений относительно смысла сказочных элементов невозможна, а потому этот жанр представляется подходящим для эзотерических объяснительных конструкций. Все сказочные элементы «всеясветники» могут легко «перевести» на язык своей теории, «разложив» их по продуктивным правилам «трансцендентной этимологии» и смыслообразования. Наиболее радикально эзотерически трансформированным произведением является сказка «Конек-Горбунок», где Емеля представляется пророком, спасающим мир от технологических новшеств. Сказка также может быть подходящим для «всеясветников» жанром потому, что в ней представлен мир, освобожденный от социальной прагматики, как и в стихотворениях Пушкина. Мировая гармония, в которой сосуществуют все сказочные персонажи, является принципом сказки, соответствующим направленности «ВГ».

Другая причина, по которой мог быть выбран именно сказочный жанр, может заключаться в том, что это канонические тексты детской русской литературы. Главной целевой аудиторией для «всеясветников» являются дети. Многочисленные «бюллетени» посвящены правильному

развитию ребенка, а также проводятся детские тренинги и мастер-классы для детей. На странице сообщества «ВКонтакте» также есть информация об обучающих лекциях, на которых детей на примере пушкинского отрывка о Лукоморье учат алфавиту «ВГ» [ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница]. Разъясняющие нарративы о сказках, написанные для родителей, могут быть направлены также и на то, чтобы таким образом информация преподносилась детям. В этом отношении «всеясветники» предлагают переработанную версию воспитания «советского человека».

Сходство с советским принципом усиливается еще и тем, что модель воспитания в 20-е годы XX века также присваивала сказкам роль морализаторского дискурса. Уменьшение количества допустимых тем для литературного творчества и провозглашение идеологического требования «понятности» (повлекшее за собой «инфантилизацию» советского читателя [М. Чудакова 1990, 248] (цит. по [Ронен 2000, 971]) могут быть одними из главных причин востребованности сказочного жанра в эти годы. Волшебная сказка названа исследователем Д. Вайссом одним из жанров советского «пропагандистского текста» [Вайсс 2000, 540]. Кроме того, ее мотивы были восприняты другими жанрами советской пропаганды, например, массовыми песнями. [Розинер 2000, 1007-1008]. «Инфантилизация» морализаторской риторики благодаря центральной роли сказок в ней привела к «инфантилизации» самого советского народа, выраженной, например, на Первом съезде писателей Андерсеном Нексе: «И вот мы в сказочной стране, в прекрасной стране пролетариата. Это значит — мы в царстве ребенка!» [Ронен 2000, 971].

Соцреалистическая литература во многом наследовала сказочной модели, в которой большое значение уделено процессу «инициации», превращения ребенка во взрослого человека с помощью прохождения различных испытаний. Парадокс этого превращения в соцреалистических романах заключается в том, что посредством инициации герой «из мира детства возвращается... в мир детства» [Добренко 2000, 33]. Это объясняется тем, что ценности соцреализма коренятся в «народном» понимании счастья, представленном, в первую очередь, в сказке. Именно поэтому герой социалистического романа привлекателен как для ребенка, так и для взрослого читателя. Однако это свидетельствует не о «взрослости детей, но — детскости взрослых» [Добренко 2000, 37].

Понятие «сказка» использовалось советскими деятелями политики и культуры в разных контекстах. Иногда оно обозначало саму советскую страну или ее какой-либо феномен (как, например, в высказывании А. Нексе выше). Зачастую же волшебная сказка в официальном дискурсе считалась основой, «задающей» стратегию развития страны. Слова из «Марша авиаторов» «мы рождены, чтоб сказку сделать былью» раскрывают потенциал, заложенный в сказочном жанре, который социалистическая страна может воплотить. Таким образом, мир социализма является своего рода коррелятом волшебного сказочного мира, претворяющим «волшебность» в жизнь. Наиболее ярким высказыванием, подтверждающим такое восприятие социальной реальности, является комментарий в газете «Известия» 14 июля 1937 года, посвященный активному освоению Арктики советскими исследователями: «Сказка стала былью. Вековечная дума об

освобождении сбылась... Советский человек — это сказочный богатырь, живущий в наши дни. Для него не существует препятствий... Уж не в сказках, а наяву происходят чудесные дела» [Гюнтер 2000, 745].

Несмотря на то, что в дискурсе «ВГ» желание сделать из сказки быль выражено не так явно, как в советской пропаганде, легко увидеть, что сказка в рамках эзотерической доктрины так же призвана менять жизнь людей, как и в СССР в 20-е годы. Благодаря трансформации сказочного сюжета «всеясветники» стремятся показать, как надо «грамотно» себя вести и каким идеологически верным принципам жизни следовать. Такой же функцией обладает сказка и в советское время. На примере сравнения советской и эзотерической рецептов волшебной сказки, а также культа Пушкина в СССР и в рамках «ВГ», можно вывести гипотезу о том, что некоторые принципы, по которым в постсоветское время происходит наложение эзотерической идеологии на те или иные субъекты или объекты, во многом оказываются наследующими советской традиции.

Глава 7. Локальная эзотерическая герменевтика. Опыт «Бажовской академии сокровенных знаний»

Поиск тайного знания в текстах художественной литературы роднит сторонников доктрины «ВсеЯСветная Грамота» с сектой бажовцев, возникшей в постсоветской России как «эсхатологическое религиозное движение» [Щипков 1998]. Ими было организовано учебное заведение «Бажовская академия сокровенных знаний». Вдохновленный идеями рерихианства, ее создатель, В. В. Соболев («пророк

бажовской веры» [Филатов 1996]), в 1990-е годы формирует «русифицированную» [Филатов 1996] версию эзотерических идей Рериха о Шамбале и Матери Мира. Помимо организации публичных мероприятий: фестивалей, конференций, сообщество бажовцев также проводит «полуконспиративную» религиозную деятельность. Ее особенности определяют особый взгляд на сказы Бажова, поэтому необходимо их здесь обозначить.

Согласно воззрениям членов «академии», Урал — энергетический центр России, особого рода Шамбала, которая будет прибежищем людей после Страшного Суда. Аркаим, городище в Челябинской области, представляется членам «академии» «пупом» [Филатов 1996] Земли, в котором некогда жила «уральская чужь». Религиозное учение Соболева коренится в противостоянии Люцифера, насылающего на Землю бедствия, и Логоса, «Высшего Разума Вселенной». Чтобы защитить Землю от разрушения, Логос создает для нее защитников — Великого Руководителя и Мать Мира. Среди войн, которые Люцифер насылает на Землю, особое значение для Соболева имеет Великая Отечественная война. По его мнению, после нее наступает «тысячелетнее царство Христово»⁸. В этот период начинается освоение космоса советскими космонавтами, строительство в Сибири крупных электростанций и академгородков. Соболев предсказывает, что в 1995–1996 наступит Третья Мировая Война. В этот период

⁸Члены Бажовской академии проводят ежегодный Бажовский фестиваль, посвященный этому периоду. Кроме явно языческой направленности праздника (прыжки через костер, сжигание чучела, лекции, посвященные неоязычеству), на территории фестиваля устанавливаются идола — персонажи сказов Бажова. Главным идолом является Хозяйка Медной горы, которую планируется впоследствии установить из воска, потому что именно этот материал воплощает «энергетику духа самой Хозяюшки» [Филатов 1996].

люди смогут найти спасение только на Урале, а именно — в эконополисе «Беловодье», который планируется основать в сельской местности как убежище на время войны. Конец света, по мнению Соболева, наступит в 1999 году, когда Люцифер решит взорвать планету. Будет уничтожена вся Россия, кроме Сибири. Ее обитатели станут расой «эры Водолея». В том же году придет аркаимская «уральская чужд», которая будет воскрешать мертвых. Таким образом, Урал, с точки зрения сотрудников «Бажовской академии», представляется землей, несущей спасение всему человечеству во время великих катастроф.

Тот же концепт спасения является важной частью программы сообщества «ВГ». Кроме того, оба движения имеют цель достичь всемирного господства их идеологии. В самом названии «ВГ» содержится установка на глобальный характер их программы. Как утверждает исследователь религиозных процессов в постперестроечной России А. Щипков, целью Соболева является установление «Единой мировой Бажовской религии» [Щипков 1998, 54]. Однако имеют место два существенных отличия. Первое связано с особенностями восприятия членами двух сообществ глобального процесса, от которого надо спастись. У бажовцев это огромное количество войн, во время которых Россия потеряла большую часть своего населения. У «всеясветников» же вырождение имеет, прежде всего, языковой аспект: чем больше человек использует русский язык в современном сильно искаженном состоянии, тем сильнее он удаляется от «первооснов», теряет связь с Богом, который наказал ему нести знание о «Грамоте» через поколения. Другими словами, сообщества в своей основе

противостоят разноуровневым процессам: языковому и политическому. Однако нельзя также забывать о том, что для «всеясветников» также важно противостояние современной политической программе России, они активно призывают уничтожать врагов-«политиканов». Несмотря на это, на мой взгляд, основой их конфронтующей риторики является именно борьба с неправильными представлениями о языке, их политические же высказывания являются элементами намеренной экстраполяции их оппозиционных воззрений.

Второе отличие заключается в особенностях спасительных объектов у бажовцев и «всеясветников». Для бажовцев спасение заключается в перемещении в определенное место, в то время как для «всеясветников» важно, чтобы человек овладел идеей «Грамоты», только тогда он сможет избежать вырождения рода. Таким образом, спасение для бажовцев имеет локальный аспект, а для сторонников «ВГ» — идейный. Более глубокий анализ характеристик, которыми наделяются литературные тексты в рамках обеих концепций, помогает выявить гораздо больше сходств между сообществами, чем при рассмотрении их общих идей.

В перспективе религиозной концепции бажовцев сказы писателя рассматриваются как тексты, содержащие тайное знание о мировых божествах-покровителях и спасителях Урала. Сторонники учения называют их «Евангелие от Урала». Главным божеством является Хозяйка Медной горы. Она — помощница Матери Мира, владеет священным мировым знанием и может поделиться им с избранными. Гимн Бажовского фестиваля является ярким примером такой рецепции, в нем есть следующие строки: «Не в сказке — наяву

придет горы Хозяйка / К тому, кто мастерство народу
посвятит, / В порыве к красоте трудом кто устремится, /
Познанием высших сил такого озарит» [Щипков 1998, 55].

Одна из сотрудниц «академии» Л. Пальчикова пишет:
«Хозяйка Урала — сотрудница Иерархии Света. Великие
Учителя планеты и их сотрудники работают в научных
лабораториях, занимаются исследованиями в масштабах не
только планеты, но и Солнечной системы. Хозяйке подвластны
и животное, и растительное, и минеральное царства.
Руководить всем этим можно, только имея великие знания»
[Пальчикова 1995] (цит. по [Филатов 1996]).

Эта характеристика определяет Хозяйку Медной горы как
реального человека, владеющего целым комплексом
лабораторий, где ее подчиненные проводят исследования всех
уровней экосистемы, направленные на сохранение планеты.
Понятие «уральская чудь», также имеющее большое значение
в исторической модели бажовцев, как и Хозяйка Медной горы,
определенно восходит к сказам Бажова, где подземный мир
заселен разными волшебными персонажами: голубая змейка,
Синюшка, Великий Полоз — все эти герои являются
хранителями земных недр и помощниками «Хозяйки Урала».
Таким образом, произведения Бажова являются для членов
«академии» источником их собственной альтернативной
версии истории, в которой ключевую роль играют
эсхатологические мотивы. Значимость творчества уральского
писателя выражена как в наименовании самого сообщества
«Бажовская академия сокровенных знаний», так и в энном
понятии, объединяющем весь корпус бажовских произведений,
— «Евангелие от Урала».

Кроме того, сотрудники «Бажовской академии» видят в сказах писателя реально существующий мир, который скрыт для обычного восприятия и открывается только избранным. Этот принцип согласуется с представлением о Хозяйке Медной горы, выведенным Бажовым в очерке «У старого рудника»: «Хозяйка горы стала олицетворением мощи, богатства и красоты недр, которые раскрываются полностью только перед лучшими представителями трудящихся» [Бажов 1939]. Такая репутация персонажа сказов, по словам Бажова, присутствовала среди горных рабочих Урала. Важна в этом высказывании категория избранности, относящаяся к людям, которым Хозяйка позволяет добраться до сокровищ горы. Этот принцип является ключевым как в дискурсе эзотерических концепций, так и в сказочном нарративе.

Представление о сказочном мире как реальности в рамках концепции бажовцев соответствует общей для многих движений *Нью-эйдж* тенденции преодоления секретности, которая заключается в том, чтобы представить «потустороннее» как истинную реальность. В равной степени эта стратегия верна и для «ВГ».

7.1. Паранаучный подход к сказам П. П. Бажова

В связи с закрытостью бажовского сообщества и отсутствием в сети каких-либо текстов, написанных членами «Бажовской академии» сокровенных знаний, в исследовании была проанализирована научно-популярная книга В. Н. Демина «Уральская Гиперборея», содержащая паранаучное осмысление сказов Бажова.

Автор пишет, что Бажов услышал истории, на основе которых создал свои произведения, от старца-сказителя В. А. Хмелинина. Последний, в свою очередь, слышал уральские легенды от других стариков-сказителей. Важное дополнение необходимо сделать, указав высказывания Хмелинина относительно жанра его рассказов — «побывальщины». В очерке «У старого рудника» Бажов рассказывает о том, как слышал истории об уральской древности от дедушки «Слышко» (прозвище В. А. Хмелинина), и приписывает ему следующие слова: «Только это [истории] не сказки, а сказы да побывальщины прозываются» [Бажов 1939]. На мой взгляд, слово «побывальщины» является очень подходящим для обозначения «правдивости» историй Хмелинина, которую приписывает им Бажов и вслед за ним бажовцы. Далее в тексте очерка Бажов утверждает, что Хмелинин даже показывал конкретные места, где произошло то или иное событие в сказе.

Демин также делает важное замечание о том, что истории Хмелинина представляют собой «тайное знание», возникшее в «коллективном бессознательном» [Демин 2012, 6] уральского народа, с одной стороны, и в гиперборейском уральском прошлом всех народов, с другой стороны. Так как Гипербореей, как указано в названии, Демин считает Уральский регион, можно сказать, что легенды являются всемирным уральским знанием. По-другому гиперборейское прошлое Демин называет эпохой «нерасчлененной социокультурной и этнолингвистической общности» [Демин 2012, 174], то есть время единой мифологии, культуры, языка и общественного строя. По мнению Демина, Бажов в своих сказах представляет эту самую идею уральской Гипербореи. Этот важный для

данного исследования тезис показывает укорененность авторских суждений в психоаналитическом толковании сходств фольклорных сюжетов, ведущих к ложной теории общего происхождения всех народов Земли.

В интерпретации Демина Хозяйка Медной горы представляется мифологическим персонажем, культ которой является разновидностью общемирового культа Богини-матери. Этот бажовский персонаж является порождением эпохи матриархата, которая, как считает автор, существовала задолго до патриархата. В этом утверждении автор исходит из того, что героиня в каждом сказе выбирает себе неженатого избранника, а потом соблазняет его.

Миф и легенды, послужившие основой для сказов Бажова, по мнению автора, свидетельствуют об истинном историческом прошлом народов мира⁹. Эта точка зрения показывает сходство идей Демина и бажовцев. Вероятнее всего, убежденность последних в том, что Хозяйка Медной горы — реальный человек, основывается на представлении о «Малахитовой шкатулке» как о «пратексте» русской истории [Иванова 1999], то есть как об историческом документе, свидетельствующем о том, что «бывало».

Человек-змей Великий Полоз, помощник Хозяйки Медной горы и «хранитель Земли», как и сама Хозяйка, является, по мнению Демина, элементом «архаического мировоззрения наших гиперборейских пращуров» [Демин 2012, 69]. Демин продолжает эту мысль, заключая, что гиперборейское мировоззрение включает в себя такие сказочные мотивы,

⁹Интересно заметить, что в этот контекст хорошо вписывается приписываемая Хмелинину характеристика своих рассказов как «побывальщин».

связанные со змеей, как оборотничество и соединение мужского и женского начала в образе змея. Демин приводит кельтские, египетские, буддистские (житие Нагарджуны) мифологические сюжеты, показывая «гиперборейский характер» этой мифологемы, связанной со змеей — изначально с Великим Полозом.

С гиперборейским прошлым Урала Демин также связывает ключевой для бажовских сказов и бажовцев концепт «подземной чуди», неведомого народа, когда-то жившего на земле, но вынужденного из-за «неблагоприятных обстоятельств» [Демин 2012, 117] перебраться под землю или под воду. Демин связывает бажовскую идею подземного царства с общемировой тенденцией XX века, связанной с его поиском в литературе, археологии и мифологии (Агарта [Демин 2012, 133], идея «полой земли» [Демин 2012, 138-139]).

Наиболее близкими воззрения бажовцев и Демина становятся в последней главе книги, названной «Шамбала — исток всесветной мудрости (гиперборейские аспекты)» [Демин 2012, 242], где Уральский регион представляется как «место безмятежного существования» [Демин 2012, 242]. В ней очевидно тождество представлений Демина и бажовцев об Урале как о земле обетованной. Кроме того, есть явные переклички названия с другой псевдонаучной доктриной, исследуемой в этой работе: «всесветный» — «ВсеЯСветный».

В конце этой главы высказывания Демина приобретают эзотерическую тональность. Он вводит понятие «духовной Шамбалы», особого места постижения тайного знания, которое может открыться только тому, «кто заслужил [его] праведной жизнью, праведными помыслами, праведными деяниями».

«Интеллектуальной и чувственной интуицией» [Демин 2012, 270] можно отыскать его и правильно расшифровать. В этом аспекте пересекается восприятие Демина, бажовцев и «всеясветников»: и тот, и другие считают, что спасительное знание является тайным и закодированным, его нужно уметь правильно толковать.

Книга Демина важна для данного исследования по нескольким причинам: во-первых, она показывает, как эзотерические идеи и осмысление на их основе литературных произведений могут проникнуть в академическую среду (В. Н. Демин — известный советский и российский философ). Во-вторых, тот факт, что Демин осмысляет произведения Бажова в духе бажовцев как хранящие сокровенное знание о древних временах, позволяет вывести гипотезу, объясняющую их распространенность в перестроечный и постсоветский период. Как показывают Демин и бажовцы, произведения уральского писателя являются хранилищами знания об уральской древности. Воспринятые таким образом, они удовлетворяют потребность людей в «историзации» локального региона. Они имплицитно показывают жителям Урала их культурную обособленность от всего государства в целом. Советская политика была, в первую очередь, направлена на развитие «интернациональных общесоветских форм культуры и быта» [Большая советская энциклопедия 1977, 18] для создания единой советской идентичности, чем на поддержание обособленности советских народностей. Дефицит способов народного самоопределения в рамках советской идеологии возмещается литературными произведениями, которые развивали идеи древности определенного народа.

7.2. П. П. Бажов — творец альтернативной истории

Приведенная в предыдущей главе гипотеза о популярности эзотерического подхода к сказкам Бажова, опирающаяся на «удревнение» народной истории, не является единственным объяснением привлекательности сказов Бажова для его современников. Исследователь-литературовед М. Липовецкий убежден, что у сказов Бажова есть иные внутритекстовые характеристики, несущие особую смысловую нагрузку для жителей послевоенного СССР [Липовецкий 2014].

Для того чтобы проанализировать влияние произведений Бажова на советское общество, необходимо, по мнению исследователя, сравнить реальную ситуацию, в которой находилась страна в 50-е годы и атмосферу бажовских сказов в целом. Таким образом, анализ Липовецкого дает возможность вывести причину популярности сказов не диахронического (хронологическая древность событий, происходящих в сказах), а синхронного порядка.

В 30-е годы в СССР партией была объявлена программа, направленная на активный поиск фольклора народов Советского Союза. На первом съезде Союза писателей Горький объявил о востребованности фольклора, отражающего «классовое сознание пролетариата», другими словами, рабочего фольклора. Сказы Бажова появились как ответ на эту объявленную Горьким потребность времени гегемонии пролетарской культуры. Это способствовало восприятию людьми 30–40-х годов Бажова именно как собирателя рабочего фольклора, а не писателя. Он участвовал в составлении сборника «Дореволюционный фольклор Урала», вторая часть

которого благодаря богатому материалу, предоставленному Бажовым, была полностью посвящена разным образцам жанра рабочего фольклора. Как указывает исследователь Бобрихин, для этой части Бажов «восстановил по памяти», а фактически написал» [Бобрихин 2015] сказы «Медной горы Хозяйка», «Про Великого Полоза», «Дорогое имячко». Однако опубликованы они были как записи рассказов старика горнорабочего В. А. Хмелинина, которые Бажов услышал от него в 1892–1895 гг. Именно такую «авторскую» версию предлагает и В. Н. Демин в своей книге и, на мой взгляд, члены «Бажовской академии» также опираются на нее.

Более подробно об истории создания сказов Бажов рассказывает в очерке «У старого рудника». Он сообщает, что в 1936 году (год публикации сборника «Дореволюционный фольклор Урала») сказы им были «воспроизведены». Помимо этого он в подробностях рассказывает о фигуре «сказителя» В. А. Хмелинина и о том, как он рассказывал «побывальщины» [Бажов 1939] о Хозяйке Медной горы, Полозе и о других персонажах «уральских сказов». Таким образом, Бажов представляет себя лишь как распространителя, а не создателя сказов. Важно указать, что очерком «У старого рудника» во всех публикациях сборника «Малахитовая шкатулка» Бажов предварял сами произведения. С помощью этого он регулярно воспроизводил для читателя свой образ как собирателя народного фольклора.

Несмотря на утверждения Бажова, представленная им история воссоздания уральских «побывальщин» не считается надежным фактом в научной среде. Точку зрения Бобрихина о сказах Бажова как о вымышленных историях самого автора

поддерживают и другие исследователи [Блажес 2003]. Дискуссия об авторстве произведений Бажова свидетельствует, по крайней мере, о присутствии в его произведениях художественных элементов, из-за которых, в частности, эта полемика состоялась. Несмотря на то, что использование художественных средств является характеристикой фейкlorного¹⁰ творчества, советский фольклорист Ю. М. Соколов предлагает определение, «примиряющее» чистый фольклорный жанр с элементами художественности в нем — «художественный фольклор». В своей книге «Русский фольклор» Соколов утверждает, что художественный элемент является постоянной частью фольклорного произведения. Сказы о Ленине (яркие образцы советского фейклора) он характеризует как произведения, от которых «веет художественной правдой» [Соколов 1941, 521]. Важным для анализа является его утверждение о том, что советский эпос облечен в новую художественную форму: «Наоборот, мы в наше время... присутствуем при нарождении и развитии новых поэтических форм в народном творчестве. На место старого традиционного эпоса о древнерусских богатырях вырастает новый, советский эпос» [Соколов 1941, 251]. Одной из таких новых художественных форм может быть и сказ, предлагаемый Бажовым.

Этот литературный жанр имеет особое промежуточное положение, выявленное западным исследователем русской литературы В. Террасом. Он утверждает, что сказ «предполагает нейтральную территорию между сказкой с ее открыто фантастическим содержанием, и былью, маркирующей

¹⁰*Фейкlor* — неаутентичное, искусственно созданное произведение, объявленное автором фольклорным. [Definitions].

содержание как «правду»... Сказ, однако, содержит дополнительную информацию, помещая повествование... на границу между повседневным речевым событием... и произведением устного искусства, способным пережить свое время и передаваемым из поколения в поколение» [Terras 1985, 420] (цит. по [Липовецкий 2014, 213]). Исходя из определения сказки как чистой «поэтической фикции» [Пропп 1979, 81] (цит. по [Липовецкий 2014, 216]), можно также добавить, что сказ является своего рода «частичной поэтической фикцией». Следовательно, жанр, использованный Бажовым, с его установкой на частичную истинность является еще более подходящим объектом для эзотерического осмысления в духе бажовцев, чем сказка.

Сказы Бажова создавались и были впервые опубликованы в эпоху сталинских репрессий. Этот факт помогает Липовецкому отыскать взаимосвязь между атмосферой советской реальности и бажовских сказов. Исследователь считает, что сказы Бажова несут в себе ощущение страха и террора, как и советская реальность 30-40-х гг. Оно связано, прежде всего, с образом Хозяйки Медной горы, которая является материализацией «зловещего» в двух аспектах. Она имеет сексуальную власть над мужским полом (в противовес советской «патриархальной морали»), ее царство — «уральский Элизиум» [Липовецкий 2014, 221], мир смерти, от нее исходит угроза кастрации (лишения власти). Кроме того, Хозяйка Медной горы также, по мнению Липовецкого, является антагонистом «патриархальной Родины-матери...1930-1950-х годов», то есть она воплощает представления о Родине в искаженном «отчужденно-узнаваемом» (по Фрейду) виде

[Липовецкий 2014, 226]. Изображение такого амбивалентного образа дома в сказах Бажова может объясняться «травмой 1930-х» [Липовецкий 2014, 227], связанной с заменой местных нарративов государственными (эпоха Большого Террора наступает после провозглашения поиска локального фольклора) и с уничтожением локальных культур индустриализированными формами жизни.

Из-за обилия зловещих элементов, перекликающихся с ужасом «чисток» сталинской эпохи (мотив утаскивания под землю), сказы «возвращают вытесненное — вытесненной травмы террора, вытесненного ожидания ареста» [Липовецкий 2014, 215]. Они четко соответствуют модели Фрейда, при которой зловещее «возвращается» в неузнаваемой форме, зачастую — в фантастической. Можно предположить, что, пытаясь с помощью творчества отстраниться от ужасающего облика реальности, Бажов вводит в свои произведения зловещие образы, таким образом «проговаривая» реальность и «остраняя» ее. Сказы, как говорит Липовецкий, — «это побег из советской истории, а в дореволюционную этнографию Урала или в мир фантазии на темы уральской этнографии — не важно» [Липовецкий 2014, 228]. Фантастические сказы Бажова являются примером «терапевтического эффекта», который оказывало творчество на писателей эпохи Большого Террора. Благодаря тому, что реальность в этих произведениях предстает в фантастической «обработке», они вписываются в традицию, которую А. Эткинд назвал «магический историзм». Объясняет он это понятие следующим образом: «Привидения, вампиры, оборотни и другие монстры помогают писателям и читателям говорить об истории, непостижимой иным образом.

Таким был советский период с его «неоправданными репрессиями». Зловещий пейзаж постсоветской литературы сигнализирует о провале иных, более традиционных способов понимания социальной реальности. Вызовом для читателей становится не ясность социальной и культурной критики, но неисчерпаемая фантазия создателей альтернативных версий прошлого» [Etkind 2013, 234] (цит. по [Липовецкий 2014, 228]).

Таким образом, оказывается, что Бажова можно назвать «творцом альтернативной истории», которую жители советской эпохи прочитывали в его произведениях как фантастический аналог их реальной жизни. Бажов является одним из тех советских авторов, которые имеют «право предположить, что она [история] действовала иначе, чем это записано в учебниках для средней и высшей школы, в трудах советских историков» [Иванова 1999]. Не нуждаясь в эзотерическом кодировании, произведения Бажова сами по себе несут отпечаток традиции альтернативной истории, с XIX века привлекавшей внимание людей. Сказы Бажова благодаря «проговариванию» ужасов Большого Террора в фантастическом обрамлении помогают людям 30-40-х годов уйти от реальности, практически оставаясь в ней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последних главах было рассмотрено два рецептивных подхода, определенным образом соотносящих творчество Бажова с эзотерической традицией. Анализ Липовецкого показал, что тексты этого писателя сами по себе несут идею альтернативной истории, «говорящей» со страниц

произведений о вершащейся на глазах читателей истории при помощи фантастической образности. Именно в этом заключена, по мнению исследователя, причина известности этого автора и востребованности его произведений в Советском Союзе. Однако помимо «злободневной содержательности» его текстов, в них также есть другие элементы, привлекающие особое внимание отдельной части советского народонаселения. Уральская топонимика и заявления самого автора о том, что его сказы являются фольклорными реликтами уходящей далеко в древность эпохи делают произведения уральского «сказочника» локально значимыми. В среде особых уральских почитателей и зарождается «Бажовская академия сокровенных знаний», накладывающая на тексты Бажова свою собственную эзотерическую идеологию. Она предполагает представление о его произведениях как о хранилищах тайного знания о потустороннем царстве, которым управляет Хозяйка Медной горы. Она представляется бажовцам живым существом, защищающим жителей уральского региона от бед.

Это представление о фикциональном мире литературного произведения как о «потустороннем», сосуществующем наряду с действительностью сближает «Бажовскую академию» с сообществом «ВГ». Последние видят в пушкинском вступлении к поэме «Руслан и Людмила» божественный мир Лукоморья, в который «избранные» могут попасть. Одаренные дети могут поступить туда на обучение к Бабе-Яге, которая в тексте представляется центральным персонажем, транслирующим знание о «Грамоте». В произведениях Бажова для бажовцев таким идеологическим резонером¹¹ является Хозяйка Медной

¹¹Резонер — в «буржуазной» литературе и драматургии персонаж, являющийся «выразителем позитивных, программных утверждений

горы. В других сказках, включенных в библиотеку «Грамоты», также есть персонажи, играющие роль носителей тайного знания: Иванушка-дурачок из сказки «Конек-Горбунок» и Емеля из сказки «По щучьему веленью».

На мой взгляд, эти представления о литературных произведениях обусловлены их специфическим жанром, предполагающим наличие волшебного элемента. В случае «ВГ» произведения полностью волшебные — сказки, бажовцы же опираются на сказы, имеющие как сказочный, так и несказочный элемент, «маркирующий содержание как «правду» [Terras 1985, 420] (цит. по [Липовецкий 2014, 213]). На мой взгляд, сказ благодаря такой особенности является еще более подходящим жанром для эзотерического кодирования. Оба учения апеллируют к условной «правде», которая содержится на страницах произведений. Бажов, характеризуя свои произведения как «побывальщины» уральской древности, сам способствовал тому, чтобы в его произведениях пытались найти «правду». «Бажовская академия» использовала этот принцип «квази-надежного автора» и интерпретировала произведения в «правдивом» ключе, сделав их текстами-доктринами эзотерического сообщества.

Тот же самый процесс «вчитывания» правды происходит и в рамках концепции «ВГ», однако на других основаниях. Их идейные литературные тексты — сказки, по определению Тодорова, «чудесное в чистом виде» [Тодоров 1999], в них отсутствует элемент «были», в отличие от сказа. Адепты фокусируются именно на волшебности сказки, на тех нерациональных законах, по которым действуют персонажи в

автора, он служит рупором, через который автор осуждает отрицательных персонажей...» [Литературная энциклопедия].

ней. Ни одна объяснительная модель, основанная на рациональной логике, не сможет объяснить сказочные метаморфозы. Так же не сможет она объяснить принцип «трансцендентальной этимологии», особые правила начертания и «настоящего» русского языка — они все основаны на нетранспарентной логике самих адептов «ВГ». Эта логика порождает неперебиваемые на привычный язык конструкции и объяснения сказочных элементов, сила которых и заключается в их непонятности. Люди охотно принимают это на веру, потому что это неперебиваемо, это помогает «детавтологизировать» реальность с ее «понятными» нарративами.

Таким образом, в рамках концепции «ВГ» фокус адептов направлен на то, что обособляет сказку от других литературных жанров — на «волшебность» всего происходящего в ней. «Бажовская академия» же в сказках Бажова акцентирует внимание на элементе «были», который вписан в них самим автором. Однако обе концепции направляют усилия на то, чтобы показать условную «реальность» на страницах литературных произведений, отталкиваясь от чисто или частично фикциональной основы.

Сказочный жанр может быть также привлекателен для обоих сообществ из-за того, что в нем всегда присутствует категория «избранности». Зачастую она выражается в наличии особенного героя, которому в любых испытаниях помогает некая волшебная сила: в сказках, использованных «всеясветниками», этим персонажем часто является дурак, которому помогает волшебное существо — щука или кобылица. Если оригинальный текст не имеет эксплицитно выраженного

принципа «избранности», адепты альтернативной доктрины добавляют его в текст. Так, например, особым статусом в анализе вступления к поэме «Руслан и Людмила» «всеясветники» наделяют детей, попавших или имеющих возможность попасть в Лукоморье на обучение к Бабе-Яге. Наделение определенных субъектов в этой части произведения обособленным статусом полностью согласуется с идеологией самого сообщества и «накладывается» на текст независимо от его исходного содержания.

В представлении бажовцев принцип «избранного» героя/человека также оказывается важным. Хозяйка Медной горы, согласно их учению, может поделиться тайным знанием только с избранными людьми, так же как и герои сказов Бажова оказываются «выделенными» ею из числа других горнорабочих, попадая в ее царство.

Программные тексты «ВГ», «бюллетени», помогли глубже проанализировать особенности восприятия «всеясветниками» не только пушкинских текстов, но и самого писателя. Пушкин представляется адептам «ВГ» «посвященным» в тайное знание о «Грамоте», как и герои его произведений. Апелляция к авторитету поэта восполняет отсутствие аутентичных текстов, необходимых для доказательства древности учения, на которое указывают последователи. Таким образом, происходит смена приоритетов: для «всеясветников» не древность текстовых источников определяет надежность их учения, а известность их автора и самих произведений. Как и Бажов в «Академии сокровенных знаний», фигура Пушкина, которая приобрела устойчивые положительные коннотации в Советском Союзе, обеспечила ему надежное место среди литературных

авторитетов, апроприированных учением. Его произведения адепты считают образцами художественной литературы. Превозносящий Пушкина тон «бюллетеней» поддерживается часто используемым эзотерическими учениями методом дискредитации. Антиподы Пушкина — Горький, Вознесенский, Высоцкий, Бродский — являются теми «сблудками» в эмной терминологии, против которых направлена вся деятельность «Грамоты».

Похожее восприятие автора эзотерически осмысленных текстов можно увидеть и на примере «Бажовской академии сокровенных знаний». Здесь образ Бажова как собирателя народной мудрости, поддерживаемый самим писателем, трансформировался в образ поэта-посвященного в тайное знание о древнем Урале. «Всеясветники» поступили более радикальным образом: так как какие-либо заявления о посвященности Пушкина в официальных источниках отсутствуют, они стали использовать Таганрогские дневники как основной документ, в котором Пушкин якобы выражал свои пророческие взгляды. Они оказались удобным объектом для наложения общей стратегии оппозиции «всеясветников»: профессиональные ученые считают, что таких дневников не существует, следовательно, можно утвердить их существование на страницах «бюллетеней» и поместить в них любое выгодное для сообщества утверждение, якобы сказанное Пушкиным.

Таким образом, биография автора наравне с его текстами становится вовлеченной в эзотерический дискурс теорий. Фигура творца и литературный текст, им созданный, оказываются средствами для привлечения аудитории к эзотерическому учению. Апелляция к известным писателям,

которые «вписали» в свои произведения знание, необходимое для спасения Земли, делает из адептов доктрины их последователей. Эсхатологический подтекст высказываний писателя и, самое главное, самих произведений, — это главная цель включения в рамки эзотерических сообществ литературных произведений. Бажовцы и «всеясветники» провозглашают спасение Земли в том случае, если человечество постигнет знание, которое «вложили» Бажов и Пушкин в свои произведения. Вкладывая их самостоятельно, они становятся радикальными новыми «авторами» этих произведений. Тем самым художественное произведение перестает быть объектом лишь литературного поля, а становится феноменом эзотерического порядка, требующим основательного нового подхода к их изучению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Источники

- 1) *Демин В. Н.* Уральская Гиперборея. М.: Вече, 2012.
- 2) *Классен Е. И.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова : вып. 1-3 / Егор Классен.-3-е изд.- Москва : Белые альвы, 2008.
- 3) *Платонов А.* Пушкин и Горький // Размышления читателя. Мюнхен: Imwerden Verlag, 2005. С. 22-37.
- 4) *Флоренский П.* Сочинения в четырех томах. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000.
- 5) *Бажов П. П.* (1939). У старого рудника [Электронный ресурс] // Все сказки. URL: https://www.vse-skazki.com/catalog_skazok/pavel_petrovich_bazhov/u_starogo_rudnika_chast_1/10-1-0-852 (дата обращения: 20.03.20).
- 6) Всеясветная Грамота [Электронный ресурс]. URL: <http://всеясветнаяграмота.рф/> (дата обращения: 04.05.20)
- 7) ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница [Электронный ресурс] // «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/programotu> (дата обращения: 11.05.20)
- 8) ВсеЯСветная Грамота. По Щучьему Велению, по Моему Хотению [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. 10 июня 1999. URL: <http://lib.ru/ZHURNAL/sokol.txt> (дата обращения: 04.05.20).
- 9) *Высоцкий В.* Банька по-белому [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. 1968. URL: <http://lib.ru/WYSOCKIJ/v68.txt> (дата обращения: 23.05.20).

- 10) *Гейченко С. С.* Скамья Онегина [Электронный ресурс] // У Лукоморья. 1971. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gejchenko-semen-stepanovich/u-lukomorjya/35> (дата обращения: 19.05.20).
- 11) Иосиф Бродский — набросок: Стих [Электронный ресурс] // РуСтих. Стихи классиков. URL: <https://rustih.ru/iosif-brodskij-nabrosok/> (дата обращения: 23.05.20).
- 12) «Лукоморье» А. С. Пушкина [Электронный ресурс] // ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница. URL: <https://vk.com/programotu> (дата обращения: 15.03.20).
- 13) Опыт прочтения сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунок» в свете «В. Г.» [Электронный ресурс] // ВсеЯСветная Грамота. Официальная страница. URL: https://vk.com/wall-83489895_4556 (дата обращения: 30.04.20).
- 14) Правда ИстьОрии. «О Пушкине и не только....» (Продолжение) [Электронный ресурс] // ВсеЯСветная Грамота. Бюллетени. URL: <https://всеясветнаяграмота.рф/gramota/bulleteni/> (дата обращения 25.04.20).
- 15) Пушкинские Горы [Электронный ресурс] // Достопримечательности Псковской области. 30 апреля 2020. URL: <http://pskovskie.ru/статьи/достопримечательности/пушкинские-горы> (дата обращения: 19.05.20).
- 16) *Флоренский П.* (1982). Магичность слова (Священник Павел Флоренский) [Электронный ресурс]. 24 января 2012. URL: <https://omiliya.org/article/magichnost-slova-svyashchennik-pavel-florenskii.html> (дата обращения: 03.05.20).

- 17) *Царь Горохъ*. Всеясветный вторник в Музее Васильева. Корбашовъ 04. [любительское видео] // Youtube. 16 июня 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U03cpX5v4yYM> (дата обращения: 30.04.20)
- 18) *Шубин-Абрамов А. Ф.* (1995) ВсеЯСветная Грамота [фильм] // Youtube. 22 июня 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qZmAdWuh7Uk> (дата обращения: 03.03.20)
- 19) *Шубин-Абрамов А. Ф.* Автобиографические заметки Шубина-Абрамова Анания Фёдоровича о Работях в ГИРБ'е, в/ч 10003, и в «В.Г» [Электронный ресурс]. URL: http://www.programotu.ru/file/avtobiograficheskie_zametki_20130322.pdf (дата обращения: 04.05.20).

Научная литература

- 20) *Базылев В.Н.* Криптолингвистика. М.: Флинта, 2012.
- 21) *Блажес В. В.* К истории создания бажовских сказов // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 28. С. 5–11.
- 22) *Бобрихин А. А.* Вклад П. П. Бажова в формирование уральской идентичности // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 2 (4).
- 23) *Богданов К.* Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум. 2008. №8. С. 300–337.
- 24) *Богданов К. А.* Раса, Россия, бог Ра и этруски. Этимологическая география // Богданов К. А. Переменные величины. Погода русской истории и другие сюжеты. Москва: НЛЮ, 2014. С. 73–95.

- 25) *Богданов К. А.* Банка Чумака, взгляд Кашпировского: О роли неподвижных предметов в социальном воображении // НЛО. 2015. №6.
- 26) *Вайсс Д.* «Новояз» как историческое явления // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренфко. СПб: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. С. 539-555.
- 27) *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. С. 743-784.
- 28) *Добренко Е.* Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренфко. СПб: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. С. 31-40.
- 29) *Иванова Н.* В полоску, клеточку и мелкий горошек. Перекодировка истории в современной русской прозе // Знамя. 1999. №2.
- 30) *Кошелев В. А.* «Реальности жизни» и «энциклопедия мифа» // НЛО. 2004. №4. – Рец. на кн.: Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Т. 1. М., 2003. – 448 стр.
- 31) *Кукулин И.* Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // НЛО. 2017. № 145. С. 61-85.
- 32) *Липовецкий М.* Зловещее в сказках Бажова // Quaestio Rossica. 2014. №2.

- 33) *Панченко А. А.* Спиритизм и русская литература: из истории социальной терапии // М.: Труды Отделения историко-филологических наук РАН, 2005. С. 529–540.
- 34) *Панченко А.* Пушкин в советском фольклоре // Культурный палимпсест. Сборник статей к 60-летию Всеволода Евгеньевича Багно. СПб: Наука, 2011. С. 390–410.
- 35) *Панченко А.* «Эра Водолея» для строителей коммунизма: культура нью-эйджа в позднесоветском обществе и проблема «переломных эпох» // НЛЮ. 2018. №1. С. 300–317.
- 36) *Повстьева К.* ВсеЯСветная Грамота: стратегии привлечения сторонников // Политика и культура в современном мире / Под ред. О. В. Старовойтовой и Д. М. Капитонова. СПб: Норма, 2019. С. 78–87.
- 37) *Розинер Ф.* Советская волшебная массовая песня // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. С. 1007–1009.
- 38) *Ронен О.* Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб: Гуманитарное Агенство «Академический проект», 2000. С. 970–979.
- 39) *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М.: Гос. учеб. педагог. изд., 1941.
- 40) *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.
- 41) *Тамбовцева С.* Каббалистическая герменевтика и утопическая компаративистика ВсеЯСветной Грамоты //

Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. №4 [37]. С. 69–101.

- 42) Тамбовцева С. Г. ВсеЯСветная Грамота: Неопубликованная статья [в архиве автора].
- 43) Тамбовцева С. Г. Новая хронология: Неопубликованная статья [в архиве автора].
- 44) Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Цветан Тодоров; Пер. с фр. Бориса Нарумова. М.: Дом интеллект. кн., 1999.
- 45) Фещенко В. Между бедностью языка и бездной речи // НЛО. 2014. №1.
- 46) Филатов С. Современная Россия и секты // Иностранная литература. 1996. №8. С. 201–219.
- 47) Щипков А. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. СПб: РХГИ, 1998.
- 48) Шаяхметов Р. Я. К интерпретации магического обряда в стихотворении Пушкина «Феодор и Елена» [Электронный ресурс] // Литература Урала: исследования и материалы. URL: <http://www.litural.ru/> (дата обращения: 22.05.20).
- 49) Belyaev D. "Occult and Esoteric Doctrines after the Collapse of Communism." *The New Age of Russia. Occult and Esoteric Dimensions*. Ed. Birgit Menzel, Michael Hagemeister, Bernice Glatzer Rosenthal. München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. 259–272.
- 50) Bennett Brian P. *Religion and language in post-Soviet Russia*. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2011.
- 51) Laruelle M. "Alternative identity, alternative religion? Neopaganism and the Aryan myth in contemporary Russia." // *Nations and Nationalism* 14.2 (2008): 283–301.

- 52) *Laruelle M.* "The Rodnoverie Movement: The Search for Pre-Christian Ancestry and the Occult." *The New Age of Russia. Occult and Esoteric Dimensions.* Ed. Birgit Menzel, Michael Hagemeister, Bernice Glatzer Rosenthal. München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. 293-310.
- 53) *Menzel B.* "Introduction." *The New Age of Russia. Occult and Esoteric Dimensions.* Ed. Birgit Menzel, Michael Hagemeister, Bernice Glatzer Rosenthal. München-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2012. 11-28.
- 54) *Pike K. L.* *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior.* The Hague-Paris: Mouton & Co, 1967.
- 55) *Platt J. B.* *Pushkin Now and Then: Images of Temporal Paradox in the 1937 Pushkin Jubilee // The Russian Review.* 67. 4 (2008): 638-660.
- 56) *Platt J. B.* *Greetings, Pushkin. Stalinist Cultural Politics and the Russian national Bard.* Pittsburgh: University of Pittsburg Press, 2016.

Справочная литература

- 57) Большая советская энциклопедия / Под ред. А. М. Прохорова. Том 24. Книга II. М.: Советская энциклопедия, 1977.
- 58) Большой словарь русских поговорок / Под ред. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. М.: Олма Медиа Групп, 2007.
- 59) Андрей Вознесенский [Электронный ресурс] // Культура. рф. URL: <https://www.culture.ru/persons/9345/andrei-voznemenskii> (дата обращения: 04.05.20).
- 60) *Крайнова Н.* Повелитель мусора (рецензия на роман Г.Климова «Имя мое легион»): [рец.] [Электронный ресурс] //

Библиотека Максима Мошкова. 17 августа 1999 г. URL: <http://lib.ru/SCIFICT/ANAKR/klimow.txt> (дата обращения: 22.05.20).

61) Литературная энциклопедия [Электронный ресурс] // Gufo.me. URL: https://gufo.me/dict/literary_encyclopedia/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80 (дата обращения: 03.03.20).

62) Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 04.05.20).

63) Definitions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.definitions.net/definition/FAKELORE> (дата обращения: 04.05.20).